

ВАЛЕРИЙ КОВАЛЕВ

Морской юмористический сборник

РАССКАЗЫ, БАЙКИ И СТИХИ

Валерий Николаевич Ковалев
Морской юмористический сборник

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18400672
ISBN 9785447472948*

Аннотация

Единственный в своем роде юмористический сборник о службе в современном ВМФ. Все сюжеты имели место. В море, на берегу и личной жизни.

Содержание

Игры настоящих мужчин	5
Воришки	7
Наколки	9
Боевое содружество	11
Губари	17
Крысиный король	20
Годок	22
Случай с коком	24
С легким паром	27
День счастья	29
Увольнение	32
Весенне томление	35
Хрюнов кормили как матросов	38
Начальство, оно от Бога	40
Минный ликер	42
Нарды	47
В самый раз	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Морской юмористический сборник рассказы, байки и стихи Валерий Николаевич Ковалев

© Валерий Николаевич Ковалев, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Игры настоящих мужчин

После очередного возвращения с моря, а это было накануне воскресенья, замполит нашего подводного крейсера Башир Нухович Сокуров, дабы поднять боевой настрой моряков, организовал в экипаже соревнования по перетягиванию каната.

Этот вид спорта культивировался на флоте издавна и по популярности стоял тогда на втором месте после забивания козла. Были сформированы две команды, в одну из которых включили личный состав БЧ-5 (механиков), а во вторую мореходов из так называемых «люксовых» подразделений, куда входили минеры, радиометристы, химики и прочая флотская аристократия.

В качестве приза командование выделило ящик сгущенки. Победившей считалась команда, трижды перетянувшая противников.

Боцмана притащили мягкий швартов, растянули по пирсу и намалевали там разграничительную линию. Затем с разных сторон за него ухватились атлеты и по знаку замполита стали тянуть в разные стороны. Поскольку с каждой из них действовало по два десятка крепких парней, можно представить, какова была тяговая сила. Швартов натянулся как струна и с переменным успехом медленно полз то в одну, то в другую сторону. Все это сопровождалось восторженными криками и улюлюканьем многочисленных зевак с нашей и соседней лодки.

Большинство прочило победу команде люксов, в которой находились все корабельные швартовщики во главе с экипажным силачом Ксенженко.

Однако ни тут-то было. Поднаторевшие в таскании кабелей при приеме электропитания с берега, механики оказались сильнее. Через несколько минут канат неумолимо пополз в их сторону. Этим маслопупы не ограничились и по знаку командира БЧ-5 рванули канат в сторону. Часть люксов повалилась на пирс, а остальные, во главе с матерящимся Ксенженко, были утянуты за роковую черту. То же самое повторилось еще дважды и механики уже предвкушали победу, когда выяснилось следующее. В то время как мы тупо тянули канат, хитрые механики особо не напрягались, ибо находящийся с их стороны конец оказался закрепленным за одну из «уток» пирса. Прodelал это трюмный из числа болельщиков, по кличке «Желудок». В результате победа никому не досталась, хотя сгущенку у нас и не отобрали.

Кстати, этот трюмный был весьма оригинальным кадром. За давностью лет фамилию я его запомнил, но отлично помню, что был он москвичом и внешне напоминал херувима. На этом все его достоинства исчерпывались. Малый отличался ленью, отвращением к воде и небывалой прожорливостью. Но если с первой корабельные начальники худо-бедно справлялись, водобоязнь и чувство голода, у Желудка были неистребимы. Он никогда не умывался и постоянно что-нибудь жевал. Когда экипаж следовал в баню, грязнуля прятался и туда его тащили принудительно. Мыли тоже общими усилиями, награждая зуботычинами. В то же время аппетит Желудка мы всячески развивали, ибо он служил предметом своеобразного развлечения.

На флотилии между корабельными обжорами регулярно устраивались негласные соревнования, проводившиеся, как правило, на камбузе. В течение зимы наш «Гаргантюа» со значительным перевесом победил нескольких соперников из лодочных экипажей других дивизий и был допущен к встрече с местной знаменитостью. То был кок-азербайджанец с базового камбуза. В отличие от тощего Желудка весил он больше центнера и об аппетите сына гор в матросской среде ходили легенды.

По условиям соревнований, победителем считался тот, кто быстрее съест все то, что перед ним поставят.

Встреча состоялась после ужина в варочном цехе, когда мы стояли в камбузном наряде, при большом стечении желающих поразвлечься.

Весь день Желудка держали впроголодь, и он закатывал истерики. Однако, как только их с коком усадили за стол и перед каждым поставили по полному бачку котлет, успокоился и сразу же проглотил половину из них. Причем это были не те жалкие полуфабрикаты, что продаются сейчас, а настоящие флотские котлеты – сочные, из настоящего мяса и величиной с небольшой кулак.

Размеренно двигающий челюстями кок усилил их ход, но было поздно. С невозмутимым видом Желудок заглотал все оставшееся в его посудине, затем сыто рыгнул и продекламировал, «Еще бокалов жажда просит, залить горячий жир котлет!» После чего прямо из соска выдул целый чайник компота и ангельски улыбнулся. Азербайджанцу ничего не оставалось, как признать свое поражение.

В казарму мы возвращались затемно, гордые победой и бережно ведя под руки что-то жующего сонного победителя.

Воришки

Северодвинск. Беломоро-балтийская ВМБ. Бригада строящихся кораблей.

Наш экипаж завершает государственные испытания атомного подводного крейсера нового поколения, а между морями обретается в порту, на древней плавбазе «Иртыш».

В один из таких дней, нас с Витькой Допиро вызывают к помощнику командира, который сообщает, что мы назначаемся вестовыми в офицерскую кают-компанию, или как говорят на местном «эрго» – гарсунами.

Эта новость нас не особенно радует, и мы пытаемся отказаться под разными предложениями.

Но помощник непреклонен и уже на следующий день, облачившись в белые курточки, мы с приятелем кормим наших офицеров и мичманов в кормовой кают – компании плавбазы.

Это обширное помещение размером примерно в сорок квадратных метров, с длинным массивным столом в центре и вращающимися креслами вокруг. Вдоль его стен тянутся мягкие кожаные диваны, в углу стоит пианино, на иллюминаторах бархатные занавески. Рядом с кают-компанией небольшая подсобка (гарсунка), в которой хранятся бачки, термосы, столовые приборы и всякая дребедень, необходимые для кормления офицеров и мичманов.

Понемногу освоившись на новом поприще, мы внезапно уясняем целый ряд выгод для себя. Во – первых, по утрам не нужно бегать на зарядку. Во – вторых, после кормлений остается прорва свободного времени. В третьих – мы становимся обладателями множества продуктов, которые не поедают офицеры. Это масло, сыр, печенье и колбаса. Короче для нас с Допиро наступили золотые деньки.

Мы всласть отоспались, питались в основном деликатесами и здорово набрали в весе. Как всякий уважающий себя «гарсун», с помощью умельцев с плавбазы Витька сделал себе несколько флотских наколок и отпустил усы. Один раз в неделю нас увольняли в город, где за полученные от интенданта деньги мы покупали для офицерского стола различные фрукты и сладости. Почти всегда оставалось и на бутылку портвейна, которая неспешно распивалась в укромном месте.

После ужина, занеся ребятам в кубрик что-нибудь из продуктов, мы уединялись в кают-компании, где Витька овладевал искусством игры на пианино, а я с увлечением читал «Морские сборники», которые выпрашивал у офицеров. Однако вскоре наша райская жизнь нарушилась.

Стали пропадать вареные яйца, которые мы каждый вечер получали на завтрак для офицеров и мичманов. Хранились они в подсобке, в стоявшем на палубе большом лагуне. Ключи от нее были только у нас. За ночь исчезало до десятка и никаких следов.

По утрам, обделенные полагающимся им по приказу Главкома продуктом, командиры начинали брюзжать и выражать нам свое недовольство, требуя этот злосчастный эмбрион. Причем делали они это не от скупости, а из принципа, положено – отдай.

И неважно, что зачастую яйцо не съедалось, оставаясь сиротливо лежать на тарелке. Оно должно быть выдано. Такой вот порядок.

Несколько раз мы выходили из положения, выпрашивая недостающие яйца у коков на камбузе, однако кражи не прекращались. Неуловимые воры продолжали разрушать наше благополучие.

Ими оказались крысы. В один из поздних вечеров, мы как обычно сидели в кают-компании. Виктор проявлял отснятую накануне фотопленку, а я, сидя на диване и дымя папиросой, размышлял, как изловить вора. Свет у нас был вырублен, а в подсобке горел. Внезапно там послышался какой-то шорох и у стоящего на палубе лагуна, до верху наполненного яйцами, появилась огромная крыса.

Я легонько толкнул приятеля в бок и указал пальцем в сторону подсобки. Поводив усатой мордой по сторонам, грызун ловко взобрался на лагун и носом столкнулся с него одно яйцо. Затем спрыгнул вниз, обхватил его лапками и опрокинулся на спинку. Тут же откуда-то появились еще две крысы поменьше, которые зубами ухватили ворюгу за хвост и потащили его в дальний угол подсобки.

Там вся компания носами затолкала яйцо за отставший плинтус и вновь вернулась к лагуну. На наших глазах крысы проделали эту операцию еще несколько раз и исчезли, как только почувствовали неладное. Плинтус мы тут же укрепили и долго обсуждали увиденное.

То, что эти грызуны очень умны, не новость. Однако, чтобы дать такое представление, нужен и богатый опыт. Не иначе, как та крыса была ветераном судна, может быть еще с военных времен.

После этого случая кражи прекратились, но было поздно – «хлебных» должностей нас лишили и вновь водворили на лодку. Чтоб служба раем не казалась...

Наколки

– Во-во, именно так и малюй, – встряхнув вороним чубом, затягивается беломориной Жора Юркин, стряхивая пепел в иллюминатор.

Высунув кончик языка, и сощутив прозрачные глаза, экипажный художник Витька Бугров, макая в пузырек с черной тушью умыкнутое у штурманов стальное перо «рондо», изображает на листе кальки свой очередной шедевр.

На нем силуэт атомной подводной лодки, на фоне «розы ветров» и земного шара, а внизу, витиевато выполненный вензель «КСФ»

Потом все это будет перенесено на предплечье очередного клиента, обколото тремя, связанными вместе иглами и станет подтверждением его славной службы в подплаве Северного флота.

Этот самый клиент и мой ближайший друг Витька Допиро, сидит напротив Бугрова, шевелит кошачьими усами и с интересом пялится на шедевр.

– Слышь, Бугор, – уважительно обращается он к художнику. – А ты можешь изобразить кочегара, как у боцмана на жопе?

– Могу, Витек, могу, – мечтательно бормочет тот и принимает от Жоры дымящийся бычок.

У боцмана, мы видели в бане, на левой ягодице выколот забавный кочегар в тельнике, в руках у которого исчезающая в определенном месте кочерга, а на правой, вырывающаяся оттуда клубы пара. При ходьбе все это приходит в неповторимую гармонию и вызывает у зрителей неопиcуемый восторг.

Наколки на всех флотах мира существуют со времен Колумба, и наш, Северный, не исключение. Они есть у многих офицеров, мичманов и даже адмиралов. Не так давно на лодке побывала комиссия из Москвы, возглавляемая Главкомом, и на пальцах одного из сопровождавших его адмиралов было выколото «ВАСЯ».

– Ну, вот и все, – удовлетворенно хмыкает Бугор, и мы с интересом рассматриваем его очередное творение.

– Молоток! – хлопает художника по плечу Жора и, аккуратно свернув кальку, передает ее Витьке.

На следующий вечер, после ужина, мы втроем – Жора, Витька и я, идем в плавбазовскую баталерку. Там нас уже ждем местный спец по наколкам – Степка Чмур.

– Ну че, принесли? – вопрошает он и кивает на стоящие у стола «банки».

Мы молча усаживаемся, Витька поочередно извлекает из-за пояса наполненную доверху плоскую флягу с «шилом», а из кармана, исполненный Бугром рисунок.

– Тэ-экс, поболтавв руке посудину, разворачивает Степан кальку. – Путевая трафаретка. Кодем?

– Ну да, – солидно кивает Жора, а Витька с готовностью стягивает с плеч робу вместе с тельником.

На выпуклой груди, справа, у него уже красуется Нептун с русалкой, наколотые еще в учебке, а на правой, хорошенькая головка девушки.

Между тем Чмур готовится к операции, и на столе поочередно возникают многоцветная шариковая ручка, плоская жестяная коробка с иглами и флакон с синего цвета густой жидкостью.

– Личная рецептура, – свинтив с него крышку, сует Степка флакон в нос Витьке. – Жженая резина, спирт и чернила.

– А я от нее, того, не гигнусь? – с сомнением нюхает тот смесь.

– Не ссы, Витек, – подмигивает ему Чмур. – Все будет как в лучших домах Лонда Она! Садись-ка ближе.

Верить Чмуру можно. Добрая половина плавбазовских щеголяет мастерски выполненными им наколками, и у Степана нет отбоя от ценителей художественной росписи.

Допиро с готовностью усаживается рядом с мастером, тот хватает его за руку и, поглядывая на рисунок, быстро воспроизводит его синей пастой на левом предплечье.

– Ну, как?

– Глаз-алмаз, – пододвигаемся мыс Жорой ближе и цокаем языками. – Давай, Степ, запыхивай.

Насвистывая какую-то мелодию, Чмур достает из ящика стола индивидуальный пакет, отрывает кусок бинта и обильно смачивает его спиртом. Потом то же самое проделывается с иглками, и таинство начинается.

– Т-твою мать, – шипит побелевшими губами Витька, и на его лбу выступает пот.

– Ниче, – строча макаемыми во флакон иглами по контуру рисунка на руке, – тянет Чмур.

Из возникающих проколов струится кровь, которую, время от времени, он промокает бинтом. Зрелище не для слабонервных, и мы с Жорой закуриваем.

– И мне, – хрипит Витька, и я даю ему несколько раз затянуться.

Минут через пять Степа откладывает иглы в сторону, дает Витьке немного отдохнуть и тоже тянет из пачки сигарету.

– А вот вам военный анекдот, – окутывается он дымом. – Наш боцман рассказал.

Притаскивают, значит в госпиталь после боя моремана. Конец осколком оторвало. Кладут на стол, врач зашивает, что осталось, а операционные сестры, видят на обрубке наколотые буквы».. ля». Приходят после операции в палату и интересуются «товарищ краснофлотец, а что у вас на пипке было написано? Валя, Оля или Юля?»

Тот посмотрел на них и говорит – там было написано «Привет ивановским ткачихам от героических моряков Севастополя».

– Га-га-га! – корчатся все от смеха, и Жора давится сигаретой.

Потом таинство продолжается.

Спустя час работа завершена, и на багрового цвета Витькином предплечье, красуется синяя наковка.

– Да, сделано путем, – после тщательного осмотра констатирует Жора.

– Какой разговор, – пожимает плечами Чмур, и еще раз протирает спиртом свое творение. – Через пару дней опухоль спадет, и все будет в ажуре.

После этого мы разливаем остатки в извлеченные Чмуром кружки, разводим водой из крана и «обмываем» наковку.

На следующее утро у Витьки поднимается температура, и мы тащим его после подъема флага в корабельную санчасть.

– Докололись, мать вашу! – возмущенно орет на нас лодочный врач Алубин, и, осмотрев больного, сует ему горсть таблеток. – Пей!

Впрочем, орет он не совсем искренне. У старшего лейтенанта тоже имеется наковка. Причем весьма импозантная и выполненная цветной тушью.

Затем док что-то черкает в журнале приема, определяет Витьке один день постельного режима, а мы уходим на лодку.

В следующую субботу, в окружении прочих интеллектуалов, Допиро целеустремленно «забивает козла» в кубрике, к Чмуру отправляются еще два клиента, а великий художник Бугров, в окружении почитателей его таланта, живописует на кальке, готовящегося к превращению в жизнь кочегара.

Боевое содружество

Погожее летнее утро. Синь залива под солнцем, легкий туман над водой.

На обширном пустом причале, у высокого борта плавбазы, стоит военный, крытый тентом грузовик и короткий строй моряков, во главе с мичманом. Напротив – молодой лейтенант со значительным лицом.

Лейтенант – командир штурманской группы, мичман – старшина команды, а шестеро матросов их подчиненные.

По приказу старпома группа занаряжена в командировку в Архангельск, для получения на базовых складах штурманского оборудования.

– Слушать меня, – грозно обводит всех глазами лейтенант. – В пути не курить, похабных песен не орать и вести себя достойно. Ясно?

– Я-асно, – вразнобой тянут моряки, переминаясь с ноги на ногу.

– Тогда, все в машину, – смотрит офицер на часы и вместе с мичманом направляется к кабине.

Через минуту, урча двигателем, грузовик катит в сторону КПП, а из кузова скалятся веселые рожи.

– Хотя Архангельск поглядим, – гудит старослужащий, штурманский-электрик Серега Корунский и достает из кармана пачку «Примы».

– Ага, – поддерживает его приятель – боцман Вовка Осипенко, вытряхивая из пачки сигарету.

Остальные довольно подпрыгивают на лавках и плятятся по сторонам.

Вскоре Северодвинск остается сзади, грузовик набирает ход и, ровно гудя мотором, несется по трассе.

– Жизнь, – восхищенно шепчет рулевой-сигнальщик Иван Лука, выглядывая из кузова и озирая зеленые окрестности. – Щепка на щепку лезет.

– Кому что, а голому баня, – бросает кто-то из моряков и все хохочут.

Через час, замедлив ход, грузовик въезжает в Архангельск, направляется в сторону железнодорожного вокзала, а от него в сторону расположенных в небольшом лесу складов.

– Вот курва, а мы думали в городе, – недовольно брюзжат моряки, когда, миновав КПП с якорями на воротах, машина въезжает на их территорию.

– Значит так, – говорит лейтенант, когда все выгружаются. – Всем ждать меня в курилке, – тычет рукой в сторону небольшой площадки с вкопанной под сосной бочкой и лавками. – Осипенко, остаешься за старшего.

После этого они с мичманом идут в сторону административного здания, а моряки направляются к бочке.

Там, на лавке, со скучающим видом сидит мордастый старшина и что-то тихо насвистывает.

– Звидкиля, причапали? – лениво интересуется он и сплевывает на песок.

Когда узнает, откуда, – уважительно кивает головой и пожимает всем руки.

– А мы ось тут, припухаемо, – кивает на разбросанные меж сосен склады. – В облужи так сказать.

– В город как, часто пускают? – интересуется Славка Гордеев.

– Та почитай кожный день, – пожимает плечами старшина. – Увэчери морэ на замок и гуляй Вася.

– Клево устроился, – подмигивает своим Серега Алешин. – Типа «люблю море с берега, корабль на картинке».

Те толкают друг друга локтями и дружно гогочут.

– Слухайтэ, хлопци, а у вас жетоном «За дальний поход» нельзя разжиться? – интересуется мордастый. – Скоро ДМБэ, а у мэнэ нэмае.

– А цену знаешь? – переглядываются Корунский с Осипенко.

– Ну да, четвертной.

– И пол кило шила, с закусью, – поднимает вверх палец Осипенко. – Найдешь?

– Який разговор, – расплывается в улыбке старшина. – Я ж старший баталер.

В это время из здания появляется мичман и машет морякам рукой.

– Так, где нам тебя искать? – встает с лавки Корунский.

– Он у той халабуды, – кивает старшина на виднеющуюся за соснами бетонную постройку с плоской крышей.

– Добро, – отвечает Серега, и все идут к мичману.

Затем вместе с ним они получают на ближайшем складе несколько зеленых ящиков и шкатулок, несут их к машине и бережно загружают в кузов. Вскоре появляется лейтенант и сообщает, что нужно будет задержаться на пару часов. Нету какого-то начальника ведающего выдачей хронометров и биноклей.

– Корунский, – бросает он Сереге. – Перекусите тут сухпаем, а мы с мичманом съездим в город, пообедаем.

Когда начальство выходит за ворота, моряки извлекают из кузова армейский сидор с продуктами, Осипенко раздергивает горловину и достает оттуда пачку галет, а к ним две банки – с тушенкой и соком.

– На, братишка, подрубай, – вручает их шоферу. – А заодно присмотри за ящиками. Идет?

Молодой матрос, судя по виду первогодок, сглатывает слюну и с готовностью кивает головой. А вся компания, вернув сидор на место, направляется в сторону склада за соснами.

Там прохладно, пахнет новым сукном, и за обитым жестью прилавком сидит мордастый, с развернутой «На страже Заполярья» в руках.

– О, швыдко вы! – откладывает он газету в сторону после чего, заперев наружную дверь, приглашает всех в подсобку.

– Хорошо живешь, – окидывают гости уютное помещение, сплошь заклеенное полуголыми красотками, с немецким «Грюндигом» на столе, тумбочкой и диваном у стенки.

– Так де ваш товар? – говорит старшина, когда все усаживаются.

– На, – говорит Корунский и протягивает ему блеснувший эмалью наградной жетон.

– С лодкой, – довольно бормочет хозяин и тщательно его осматривает.

После этого, спрятав жетон в карман, он извлекает оттуда новенькую двадцатипятирублевку, отдает ее Сереге и поворачивается к стоящей рядом тумбочке.

На столе появляется бутылка спирта, несколько граненых стаканов, шмат посыпанного крупной солью сала, пару луковиц и белый кирпич хлеба.

– Держи, – протягивает старшина Гордееву большую медную кружку, – налей вон воды из-под крана.

После этого спирт разводится в нужной пропорции, каждый выпивает свою долю и закусывает.

– Хорошее у тебя сало, хлебное, – с видом знатока констатирует Осипенко.

– Ну да, полтавское – кивает баталер, земляки угостили.

– А до вокзала отсюда можно как-нибудь поближе пройти? – интересуется Лука, разливая остатки спирта.

– А чего ж нельзя, – ухмыляется старшина. – Пряма за моим складом, в заборе, лаз. А за ним, скрозь деревья, тропка до железной дороги. Оттуда до вокзала минут десять.

– Ну, как, сходим? – вопросительно смотрит Лука на Корунского с Осипенко. – Пока начальства нету.

– Отчего ж, – берут те свои стаканы, – непременно.

Минут через пять, вытянувшись цепочкой, вся компания направляется по зеленой тропинке в сторону виднеющейся за деревьями железнодорожной насыпи.

– Серый, а Серый – спрашивает у Корунского Алешин. – А отчего на складах и в баталерках всегда одни хохлы?

– Хитрые потому что, – цвиркает слюной Корунский. – Вон и наш боцман, – кивает на Осипенко. – Почти все сало умял.

– Да пошел ты, – беззлобно огрызается тот. – Топай лучше быстрее, а то плетешься как черепаха.

На вокзал моряки попадают со стороны перрона и с удовольствием глазят по сторонам. А посмотреть есть на что.

Прям напротив центрального здания, на главном пути, отсвечивая на солнце новенькими вагонами, стоит поезд «Архангельск-Москва», у которого суетятся пассажиры.

У одного из вагонов слышен звон гитары, смех и молодые голоса. Большая группа, судя по всему студенты, в стройотрядовских курточках, разукрашенных взевозможными значками и надписями, готовится к посадке.

– Ты смотри, сколько девчат, – переглядываются моряки и подходят ближе.

При их появлении, окруженный почитателями патлатый гитарист задорно ударяет по струнам

Салага я-а, салага я-а,
На гражданске был стилиагою,
А теперь зовусь салагаю!

орет он в сторону моряков и студенты радостно гогочут.

– Никак он это про нас, а Серый? – оборачивается Осипенко к Корунскому.

– Эй ты, композитор, кончай эту лабуду! – басит здоровенный Кондратьев и тяжело ворочает шеей.

Чубчик мой ристакратический,
Сбрит машинкой электрической,
Туфли были мелажевые,
Дали сапоги кирзовые

надрывается певец, а двое вихляющихся рядом парней тычут в моряков пальцами и по очереди пьют из бутылки.

– Мишка, выпиши ему, – кивает на патлатого Корунский.

Кондратьев делает шаг вперед, гитара взлетает в воздух и с треском насаживается на башку поющего.

– А-а-а! – орут студенты, вслед за чем завязывается драка.

Через пару минут трое из них валяются на платформе, а остальные в панике бросаются к вагонам. Затем откуда-то возникает трель милицейского свистка, из здания вокзала выскакивает патруль и, гремя сапогами, несется к вагону.

– Бей крупу! – вопит Осипенко, размахивая намотанным на руку ремнем, и драка продолжается. Сержант и два солдата-десантника умело орудуют кулаками, но против шестерых моряков им приходится тяжело.

В самый разгар потасовки, на перрон въезжает зеленый грузовик и на платформу выпрыгивает еще десяток солдат в голубых беретах.

Через пять минут последнее бездыханное тело забрасывают в кузов, и грузовик уезжает.

– Ту-у-у! – весело гудит тепловоз, лязгают сцепки, и вагоны плавно катятся вдоль перрона.

...Коротко просигналив, грузовик останавливается у металлических ворот, с расположенным рядом КПП, они откатываются в сторону и машина въезжает на территорию части.

Миновав пустынный плац, с расположенными по периметру казармами, грузовик останавливается у трехэтажного кирпичного здания, с небольшим сквером перед ним, и задержанных выгружают из машины.

– Что ж вы суки, своих забираете, – шипит длинному ефрейтору Осипенко, и косится на того подбитым глазом.

– Ага, – а еще тельники носите, – шепелявит опухшими губами Лука. – Курвы.

– Давай, давай, топай, – говорит кто-то из десантников, и всех заводят внутрь. Потом, в сопровождении двух сержантов, моряков ведут к дежурному по части.

– Тэ-экс, – встает из-за стола перетянутый портупеей офицер с красной повязкой на рукаве и хмуро оглядывает задержанных. – Так это вы на вокзале бузили?

– Нет, товарищ капитан, – басит Корунский, в разорванной до пупа форменке. – Это студенты. Обзывали нас и все такое.

– Документы, – приказывает офицер и протягивает руку.

Затем он садится за уставленный телефонами стол и рассматривает военные билеты моряков.

– В/ч 53117 это где?

– В Северодвинске, – следует ответ.

– С корабля?

– Да нет, мы с лодки.

– А тут как оказались?

– Приехали на базовые склады, за оборудованием.

– И с кем же?

– С командиром группы и старшиной команды.

– Фамилия командира? – откладывает в сторону военные билеты капитан.

Корунский называет, и дежурный записывает ее в блокнот.

– Ну что ж, орлы, готовьтесь в дисбат, – снова встает капитан. – Громов, отведи их в свою казарму, запри пока в бытовку и обеспечь охрану.

– Есть! – вскидывает руку к виску рыжий сержант.

Потом всю группу препровождают наружу и ведут к одной из казарм.

– Да, вот это влипли, – бормочет Гордеев. – Точно посадят.

– Ладно, не ной, может еще обойдется, – хромает рядом Лука. – Эй, сержант у тебя закурить есть?

– Тут нельзя, у казармы покурите, – отвечает рыжий. – Чего ж вы дураки не подорвали?¹

– Это все гребаный патруль, – вздыхает Кондратьев. – А тут еще вы приехали.

– Да, дела, – щупает распухшее ухо второй сержант. – Загребите теперь под панфары.

У казармы все останавливаются, быстро перекуривают и заходят внутрь.

– Рот-тэ смир...! – вскидывается сонный дневальный у тумбочки.

– Молчи, дурак, – осекает его рыжий и тот удивленно пялится на необычную процессию.

¹ сбежали (жарг.)

Моряков заводят в обитую вагонкой бытовку, с несколькими гладильными столами, зеркалами на стенах и рядом стульев у стен. Они садятся и понуривают головы.

– Может морды умоете, а то видок у вас не того, – предлагает второй сержант, смуглый и с узким разрезом глаз.

– Отчего же, умоем, – кивает Осипенко, и задержанных препровождают в умывальник.

– Вы это, особо не расстраивайтесь, – усевшись на подоконник, говорит рыжий, наблюдая, как те снимают форменки и суют головы под краны. – Студенты тю-тю, уехали, так что потерпевших нету. Ну а мы не в претензии, ведь так, Казбек?

– Ну да, скалит белые зубы узкоглазый. – Какой разговор!

– Главное что б наш батя не залупнулся, – продолжает рыжий. – Это он приказал вас сюда доставить, вместо комендатуры.

– Зачем? – косятся на сержанта моряки.

– А хрен его знает, – пожимает тот плечами. – Наверное сам хочет разобраться.

Потом задержанных уводят и запирают в бытовке.

...Плотно пообедав в портовом ресторане, лейтенант Огнев с мичманом Умрихиным подъезжают на такси к КПП, расплачиваются и выходят наружу.

– Ну, все, Петрович, щас получим бинокли с хронометрами и домой, – благодушно заявляет офицер. Предъявив дежурному документы, они неспешно идут к административному зданию и бросают взгляд на стоящий в тени деревьев грузовик.

– Что-то наших бойцов не видать, – говорит мичман.

– Дрыхнут, наверное, где-нибудь на травке, – хмыкает Огнев, и они исчезают за дверью.

– Через несколько минут, изрыгая маты, начальники выскакивают обратно и рысью несутся к машине.

– Заводи, твою мать! – орет Огнев, хлопает дверца, взывает двигатель и грузовик выезжает с территории складов.

– Ну с-суки, мне ж э в этом году старшего получать! – трясет лейтенант перед носом мичмана зажатой в руке бумажкой. Ты хоть понимаешь, что будет?!

– Тот молча кивает и промокает платком взмокший лоб.

– Куда ехать, товарищ лейтенант? – косится на разъяренного офицера водитель, притормаживая на развилке.

– В город, куда, – шипит Огнев, разглядывая намалеванную на бумажке схему.

Через полчаса, поколесив по городу, машина останавливается неподалеку от ворот уже известной части, и лейтенант выпрыгивает из кабины.

– Так, ты пока будь здесь, а то еще и этот смоется, – бросает он мичману и спешит к КПП.

Вскоре Огнев появляется снова, забирается в кабину и приказывает ехать обратно.

– Ну, как? – осторожно интересуется мичман.

– Хреново, – бурчит офицер. – Полковник у них зверюга, наорал на меня и требует командира.

– Да-а, дела, – озадачено бормочет Умрихин.

Пока Огнев звонит от дежурного в часть, мичман получает на складе оставшееся оборудование и загружает его вместе с водителем в кузов.

Затем грузовик снова выезжает за ворота и направляется в город.

На исходе второго часа у КПП останавливается новенький «УАЗ», из которого появляются старпом и штурман с кейсом в руке.

Огнев спешит навстречу и докладывает о происшествии.

– Мудило, – цедит капитан 2 ранга и вместе со штурманом исчезает за дверью.

О чем беседовали отцы-командиры неизвестно, но спустя некоторое время обе машины катили по шоссе в направлении Северодвинска.

А на следующее утро, после подъема флага, все шестеро героев этого рассказа, гремя ботинками, топали по причалу на гауптвахту. На полные пятнадцать суток.

Губари

– Подъем! – орет из коридора чей-то голос и на потолке тускло вспыхивает упрятанный под металлическую сетку фонарь.

В камере слышится недовольное бормотание, с жестких «самолетов» сползают темные фигуры и, напяливая на себя служившие одеялами шинели, зевают.

В низком мрачном помещении с забранным решеткой окошком и инеем по углам, их шестеро. Двое с бербазы, один с «пээмки», остальные с лодок.

– Поспать не дают, курвы, – хрипло басит один из бербазовских, со старшинскими лычками, извлекает упрятанный в «самолете»² бычок, прикуривает и пускает по кругу.

Всем достается по паре затяжек и сон улетает.

– Интересно, куда сегодня погонят? – перематывая на сапогах портянки, – бубнит старший матрос с «пээмки» и сплевывает на бетонный пол.

– А нам татарам один хрен, что пулемет, что самогон, – сладко зевает один из подводников и дружески толкает в бок соседа.

– Ага, – кивает тот вихрастой башкой. – Одинаково с ног валят.

За массивной дверью камеры лязгает засов, и она с визгом открывается.

– Вторая, на opravку, – бурчит хмурый матрос с автоматом на плече и кивает головой на кишку коридора.

Вся шестерка выходит из камеры и в его сопровождении направляется в галльон, совмещенный с умывальником. Там оглушительно воняет хлоркой и в бетонных «очках» пищат крысы.

Сделав свое дело, моряки ополаскивают лица под кранами с парящей от холода водой и утирают их подолами роб.

– В камеру, – бросает конвойный и ведет их обратно.

Потом начинается завтрак и каждый получает по кружке горячего кофе, миске гречневой каши и птюхе белого хлеба с кубиком масла.

– Опять эта каша, – брюзжит один из моряков с лодки и отпихивает от себя миску.

– Не скажи, – активно орудует ложкой сосед. – У нас на «пээмке» по утрам чай, «шрапнель» и черняшка. А тут лафа, жить можно.

После завтрака всех губарей заставляют вытащить из камер во двор «самолеты» – для проветривания.

– Хотел бы я знать, какая сука придумала эту хрень?, – таща на горбу свой лежак, – пыхтит один из матросов.

– А это, братишка, что б служба раем не казалось, – ухмыляется старшина.

В восемь утра арестованных выстраивают во дворе у высокой ограды, с караульной вышкой и часовым на ней, и перед шеренгами возникает сам начальник гауптвахты, прапорщик Чичкарев, в сопровождении начальника караула.

– Р-равняйсь! Смир-р-на!, – по петушиному орет он, и где-то за забором взлаивают собаки.

Грозно нахмурившись и скрипя начищенными ботинками по снегу, прапор медленно идет вдоль строя и уничижительно цедит, – кр-расавцЫ.

В нахлобученных на уши шапках, измятых шинелях без ремней и заправленных в яловые сапоги широких штанах, «красавцЫ» стоят с безразличным видом и тупо пялятся на начальство.

² съемном топчане

– Слушай наряд, лишенцы! – вернувшись к центру, извлекает из-за обшлага шинели бумагу Чичкарев.

– На снег – двадцать, на цемент – двадцать, в порт десять! – Разводите, старший, – кивает он начкару, прячет бумагу и отправляется внутрь, шмонать камеры.

Через десять минут три расхлябанных группы, первая из которых вооружена лопатами и скребками, в сопровождении конвойных выходят наружу и плетутся в сторону поселка. Там одна остается на площади у ДОФа и начинает вяло грести снег, вторая спускается к строительным складам, а третья направляется в сторону небольшого порта, что рядом с базой.

В ней все моряки из второй камеры и еще четверо арестованных.

– Вить, а ты уже работал в порту? – спрашивает матрос с лодки шагающего рядом старшину.

– Ну да, – кивает тот. – На прошлой неделе.

– И как?

– Сам увидишь, – заговорщицки подмигивает старшина и просит у конвоира закурить.

Тот, опасливо оглянувшись, достает из кармана мятую пачку «Примы» и сует старшине в руку. Губари на ходу закуривают, прячут сигареты в рукавах и топают дальше.

На территории замеченного снегом порта, где у бетонной стенки стоят несколько пришвартованных барж, группу встречает статная дама в финской дубленке и валенках.

– Прибыли, мальчики? – весело оглядывает она моряков. – Значит так, – показывает рукой в вязаной варежке на одну из барж. – До вечера нужно ее разгрузить. В трюме продукты, апельсины и вино. Справитесь?

– А то! – басит старшина и сдвигает на затылок шапку.

– О, Витя! – удивляется женщина. – Ты опять к нам?

– Ну да, Петровна, – разводит руками старшина. – Куда ж я от вас денусь?

Остальные переглядываются и одобрительно гогочут.

– Ну, тогда за работу, – говорит женщина. – Сейчас подойдет машина.

Весело переругиваясь и балагурия, моряки избегают по трапу на баржу, отдраивают затянутые брезентом лючины и спускаются вниз.

– Ты смотри, сколько всего, – восхищенно тянет старший матрос с «пээмки», оглядывая заиндевший трюм, доверху набитый всевозможными мешками, ящиками и коробками.

– «Марокко», – читает кто-то наклейку на одной из коробок. – А тут вино, – расплывается в улыбке усатый подводник и тычет пальцем в картонную коробку. – «Старый замок», нам такое в море дают.

– Ну ладно, кончайте треп, – покосившись на коробку, изрекает старшина. – Вино от нас не уйдет, а пока за дело. Ты, Васька, – кивает он усатому, – бери четверых и дуйте наверх. Будете принимать и грузить в машину. Ну, а мы тут «пошуршим».

Через несколько минут в трюме кипит работа, коробки мешки и ящики исчезают в люках, наверху топают матросские сапоги.

– Шабаш! – орет через час, свесившись вниз, Васька, и разгрузка прекращается.

Старшина удовлетворенно хмыкает, извлекает из одного ящика бутылку вина и несколькими ударами кулака по донышку, вышибает из нее пробку.

Бутылка пускается по кругу, затем ударяется о металлический кронштейн и осколки возвращаются обратно.

Потом все лезут по скоб – трапу наверх и сходят на причал, откуда, урча мотором, отъезжает тяжело груженный «захар».

– Так, мальчики, – подходит к морякам женщина. – Пока вернется машина, погрейтесь в конторе. Кстати, Витя, ничего не разбили? – обращается она к старшине.

– Да сорвалась одна коробка, Петровна. Четыре бутылки всмятку, – сокрушенно вздыхает тот.

– Ага, – кивают головами остальные. – Сорвалась.

– Вы уж пожалуйста аккуратней, – говорит женщина, исчезая в расположенном неподалеку ангаре. А губари идут к небольшому кирпичному зданию и заходят внутрь. Там тепло и на длинной скамье у окна, обняв автомат, дремлет конвойный.

– Не спи, убогий, замерзнешь! – хлопает его по плечу Васька, и все хохочут.

– Это вам, – зевая, кивает матрос на стоящий рядом картонный ящик, с оранжевыми апельсинами и несколькими пачками «Беломора».

По помещению разносится душистый запах юга, под потолком плавает дым папирос, всем хорошо.

– А эта Петровна ничего, – мечтательно тянет Васька, пуская кверху синеватые кольца. – Вот бы ее трахнуть.

– Дура, – лениво гудит старшина, – это ж жена коменданта. Он тебя так трахнет.

От хохота в помещении звенят стекла, а озадаченный Васька чешет затылок.

Хлопает входная дверь и на пороге возникает женщина.

– Ребята, пора, пришла машина, – говорит она и, сняв варежки, дует на пальцы.

– Почапали, труженики моря, – встает старшина, после чего все выходят наружу.

Теперь вниз лезет вторая партия, фокус с бутылкой повторяется и работа кипит.

Очистив к полудню изрядную часть трюма и припрятав курево в потайные места, вся бражка, сопровождаемая конвойным, направляется на гауптвахту, обедать.

На обед дают наваристый борщ, макароны по – флотски и компот, доставленные нарядом с камбуза.

– Вот это другое дело, – мычит Васька, активно работая ложкой. – Не то, что каша.

Через час парни снова на барже и работа продолжается. Теперь в трюме ярко горит переноска, голоса звучат громче и резонируют в корпусе.

Последнюю машину загружают в сумерках.

– Ну, вот и все, амба, – утирая потное лицо шапкой, – удовлетворенно басит старшина.

– Спасибо вам, мальчики, – проводив взглядом исчезающий за воротами грузовик, подходит к парням женщина.

– Да чего там, – небрежно машет рукой Васька. – Для нас это плевое дело.

Затем, разобравшись попарно, моряки выходят за ворота и направляются в сторону поселка. Под тяжелыми сапогами скрипит искристый снег, в небе зажигаются первые звезды.

Крысиный король

После учебы в атомном учебном центре в Палдиски, наш экипаж прибыл в Северодвинск для приемки и испытания нового ракетного крейсера третьего поколения.

Разместили нас на стоящей в порту плавбазе «Иртыш», где проживали еще несколько экипажей находящихся в ремонте лодок. Поселившись в двух кубриках, расположенных под офицерской палубой, мы быстро познакомились с другими ребятами и командой плавбазы. Состояла она из полусотни моряков срочной службы, возглавляемых пожилым капитаном 1 ранга и несколькими мичманами.

В силу преклонности лет «Иртыш» в море не ходил, но содержался в образцовом порядке. Его высокий корпус и надстройки были покрашены в шаровый цвет, деревянная палуба регулярно драилась и сияла первозданной чистотой, а все машины и механизмы находились в полном порядке.

Был у старой плавбазы единственный недостаток – крысы. Днем они прятались в укромных местах, а с наступлением ночи выходили на охоту, делая набеги на провизионки, камбуз и прочие места, где можно было чем-нибудь поживиться.

Причем, не ограничиваясь продуктами, всеядные разбойники грызли и оплетки электрокабелей, что порой вызывало короткие замыкания в судовой сети.

По этому случаю моряками плавбазы с ними велась непримиримая борьба, одним из главных стимулов которой была возможность получить краткосрочный отпуск с выездом на родину, за двадцать отловленных бестий. А для этого следовало представить командованию указанное их число натурой.

По утрам, перед подъемом флага, дымя сигаретами у обреза на корме, мы не раз наблюдали, как пришипленные остро заточенными пиками к палубе, крысы отдавали богу душу. А после отбоя, свободные от вахты моряки плавбазы, выходили на ночную охоту.

В один из субботних вечеров, будучи не пущены в увольнение за какую-то провинность, мы втроем: Витька Допиро, Саня Александров и я, загнав местным аборигенам умыкнутой с завода кусок плексигласа для поделок, уединились с двумя из них в румпельной выгородке и пили брагу. Ее на плавбазе «по тихому» делали из яблочного сока, сахара и дрожжей, сбраживая в предварительно выпаренных огнетушителях.

Во время дружеской травли, которая неизбежна в таких случаях, Саня, опорожнив очередную кружку с веселящим напитком, заявил что знает, как можно вывести на судне крыс.

– Иди ты, – недоверчиво хмыкнул один из плавбазовских, со старшинскими лычками. – Они тут были всегда, нам мичмана рассказывали.

– А я говорю можно, – ухмыльнулся Саня. – Вот послушайте.

Для начала нужно найти железную бочку, а затем отловить пяток крыс. Желательно покрупнее. После этого поместить их туда и не давать жрать.

– Совсем, что ли? – выпучил глаза второй плавбазовец.

– Ну да, – кивнул головой Саня. – Ничего, кроме воды.

– Ну ты даешь, так они же подохнут! – не согласился Допиро.

– А вот и нет, – наклонился к нему Саня. – Дней пять попостятся, а потом начнут жрать друг друга. Выживет сильнейший, – такого называют «крысиный король». Его надо выпустить и он займется остальными.

– Не, такого не может быть, – не согласились парни с плавбазы. – Заливаешь.

– Ну смотрите, мое дело предложить, – пожал Саня плечами, и мы хлопнули из огнетушителя еще по кружке.

– А кто тебе рассказал эту туфту? – закуривая «Приму», поинтересовался я у друга.

– Сам ты туфта, – обиделся тот. – Это я слышал, когда был на практике на «Крузенштерне», после мореходки. Боцман рассказывал. А он протрубил на флоте лет двадцать.

– Боцман говоришь?, – заинтересованно взглянул на Саню плавбазовский старшина. – С «Крузенштерна»? Тогда другое дело. А, Серега? – пихнул он в бок, начавшего клевать носом приятеля

– Ага, другое, – очнулся тот. – Плесни еще малость...

Утром воскресенья, кряхтя и переругиваясь, наши знакомцы подняли с пристани на «Иртыш» бочку из-под дизтоплива и поволокли ее в низы.

– Думаешь получится? – поинтересовался я у Сани.

– Да хрен его знает, – флегматично ответил приятель, сплевывая за борт. – Я лично не пробовал.

А в понедельник мы вышли на очередную отработку в море, откуда вернулись спустя месяц. Помывшись в плавбазовской бане поужинали и завалились спать. На следующий день был назначен строевой смотр и мы обрелись на базе.

– Интересно, как там у наших крысоловов, получилось чего? – надраивая асидолом потускневшую бляху, вякнул Допиро.

– Вечером узнаем, – сказал Саня, отпаривая шипящим утюгом клеша.

После ужина, когда в кубрике застрекотала экипажная «Украина», мы втроем поднялись наверх и отыскивали своих знакомцев.

– Какие успехи на крысином фронте? – спросил Витька у старшины.

– Ништяк, кореша! – радостно заявил тот. – Все получилось. «Тирпиц» давит крыс лучше кошки. А мне во, очередную соплю навесили, – ткнул он пальцем в третью лычку на погоне.

Годок

Незадолго до моего увольнения в запас, в наш славный экипаж вместе с молодым пополнением из Ленинградского отряда подводного плавания прибыл матрос, который всех здорово заинтересовал. Во-первых, своей внешностью – по росту и ширине этот коротышка был одномерным, во – вторых дикцией, говорил он мало и невнятно, а еще возрастом – парню было под тридцать.

Впоследствии выяснилось, что его за что-то выперли с последнего курса ветеринарного института, и студент загремел на три года на флот.

Этим сразу же воспользовались юмористы из БЧ-5, куда попал новичок и сообщили тому, что матросам с таким образованием на лодках сразу же присваивают звания старшин. Иди мол, к механику и дело в шляпе. Тем более что и возраст у тебя подходящий. Чем не старшина?

Тот и пошел. Какой разговор состоялся между ним и крайне нервным «дедом» история умалчивает, но от него молодой вышел весь в соплях, и сразу же был препровожден в трюм, убирать гидравлику. А советчики, похлопывая его по плечам, советовали все это так не оставлять и жаловаться замполиту.

Молодой этого делать не стал, но через несколько дней снова попал «в историю».

Вернувшись вечером с лодки в казарму и увидев, что несколько старшин возлегли на койки, он тоже взгрозился на свою, на втором ярусе.

Парня тут же согнали и разъяснили – валяться на койках до отбоя можно только старослужащим (годкам). Малый стал препираться, за что получил наряд вне очереди и кличку «годок».

А еще через некоторое время выяснилось, что он не знает даже азов трюмного дела – помпу не отличает от компрессора, а вентиль от манипулятора. «Маслопупы» во главе с командиром дивизиона возились с ним месяц – ни в зуб ногою. Что делать?

Решили – обкатается в море. Однако на первом же выходе «годок» едва не затопил отсек, открыв не тот клапан и его определили в помощники коку. Чистить картошку, рубить мясо и драить котлы. А когда вернулись, определили в верхневахтенные. Чего проще – стой с «калашом» в канадке у трапа и охраняй корабль.

Однако и тут с «годком» случилась неприятность.

Дело в том, что на всякой лодке, неподалеку от рубочной двери, кроме стационарного, вооружен так называемый шторм-трап. На тот случай, если кто из моряков оступится и свалится за борт. Помимо прочего, верхневахтенному вменялось в обязанность присматривать и за ним, чтоб не сперли. Есть на флоте такой бзик – тащить все, что плохо лежит.

Чего «годку» вздумалось возиться с трапом, осталось тайной, покрытой мраком. Может от скуки, а может чего померещилось. Короче он утопил рожок от автомата. Тот отстегнулся и булькнул в воду. Вместе с патронами. Помощника командира чуть «кондракий» не хватил.

После его матов и бурных дебатов с механиком, за борт спустили штатного водолаза, но, увы.

Тот использовал все дно под лодкой, однако кроме россыпей консервных банок, ничего там не нашел.

В итоге «годок» загремел на губу, а корабль лишилась килограммов десяти спирта и нескольких банок пайковой икры. Именно во столько оценили потерю на базовом оружейном складе.

Сразу же после отсидки, посоветовавшись между собой, отцы-командиры списали парня на бербазу – от греха подальше.

Прошло несколько месяцев. Как-то вернувшись с морей, мы сидели в курилке у контрольно-дозиметрического пункта, грелись на солнышке и дымили сигаретами.

– Кореша, глядите, никак наш «годок», – сказал кто-то из ребят, ткнув пальцем в пространство. И точно. По асфальтированному покрытию, тянущемуся вдоль лодочных пирсов, в сторону КДП неспешно шествовал наш герой.

И – «ба!». На его плечах золотились старшинские лычки.

При встрече выяснилось, что он теперь служит на подсобном хозяйстве в качестве ветфельдшера, где, наконец, нашел свое призвание.

Так что, никогда не знаешь, где потеряешь, а где найдешь.

Случай с коком

– Саня, ну не надо, – вяло обороняется от крепких объятий смазливая девица в тонкой репсовой униформе.

Мордастый Саня, в короткой белой курточке и черной пилотке на башке, что-то мычит и усиливает натиск.

– О-о, – томно стонет девица, чувствуя, как настойчивые руки шарят за пазухой.

– Абрамов! – орет кто-то с верхней палубы, потом звенит трап, и на двери запертой изнутри каюты дергается рукоятка.

– Твою мать, – шипит Саня, отпуская свою пассию, и щелкает запором.

За дверью стоит матрос в ватнике.

– Чего надо?!

– Консервированную картошку в банках привезли, – шмыгает тот носом. – Куда грузить?

– Ир, обожди секунду, я щас, – оборачивается Саня к девушке, выходит из каюты и задвигает дверь.

Саня Абрамов, старший кок на недавно спущенном на воду, подводном крейсере.

А Ира, одна из малярш, работающих на нем в заводе. Том самом, который эти крейсера делает.

Ночью ожидается очередной выход в море, и на корабль грузят продукты.

– Так, – говорит Абрамов, спустившись вместе с матросом в трюм. – Вот сюда и складывайте эти гребаные банки. Мудаки, не могли свежей привезти.

– А че мы? – обижается матрос. – Это все интендант.

– Ладно, – бурчит Абрамов и спешит обратно в каюту.

– О-о-о, – вновь начинает стонать Ира в умелых руках кока.

Возню прерывает громкий стук в дверь, а потом начальственный голос, – открывай!

– Интендант, сука, – шепчет девице Саня, и щелкает замком.

– Значит так, Абрамов, – говорит слегка заплетающимся языком возникший на пороге мичман. – Я на склад, за деликатесами, остаешься за старшего. Ты все понял? И громко икает.

– Ага, понял, – с готовностью кивает чубатой головой кок.

Как только он возвращается в каюту, в трюме раздается дробный грохот и чей-то вой.

– Ящик упустили, падлы, – сокрушается Саня. – Давай -ка пойдем в провизионку, а, Ир? Там тихо и все такое.

– Давай, – прыскает в кулак малярша и хлопает ресницами.

Через минуту они стоят в аппендиксе коридора за одной из ракетных шахт, и кок звенит ключами.

– Тэкс, – проворачивает он запорный клинкет, тянет на себя глухую дверь и щелкает рубильником. – Заходи

В небольшом, сияющем белой эмалью помещении, под потолком, на крючьях, висят несколько замороженных говяжьих туш, у переборок сложены многочисленные ящики и коробки, а посередине стоит разделочный пень, с всаженным в него громадным топором.

– Во! – стопорит за собой рычажный запор Саня. – Как в лучших домах! – и подмигивает подруге.

Та ежится и смотрит на наросший по углам иней.

– А это ничего, – перехватывает взгляд девушки кок. – Щас погреемся. И достает из одной коробки початую бутылку «Старого замка», а из второй несколько шоколадок «Аленка».

– Ах, как экзотично, – шепчет девица и влюблено смотрит на Саню.

Потом они делают по несколько глотков из горлышка, жуют шоколад и целуются.

– Ну что, давай? – тяжело дышит кок в пунцовое ушко.

– Давай, – нежно мурлычет Ира и лезет рукой ему в штаны.

– ..аршему. атросу. рамову. рибуть в ...альный! – неразборчиво доносится снаружи.

– А? Чего? – отлипает от девицы Саня и непонимающе пялится в подволок.

– Старшему матросу Абрамову прибить в центральный! Кок, твою мать!!! – через минуту более явственно разносится по громкоговорящей связи.

– У-у-у, курвы! – едва не плача вопит Саня, после чего бросается к выходу. – Ирочка, я шас! – оборачивается он к подруге, потом чмокает дверь, и слышно как в замке проворачивается ключ.

– Ты где, билат, лазиш, а?! – встречает кока в центральном разъяренный вахтенный офицер, грузин по национальности. – Бигом в кают-компанию, к камандыру!

– Есть! – вякает Саня и чертом прыгает в люк.

В офицерской кают-компании, вольготно устроившись в креслах, за столом сидят командир с незнакомым адмиралом и пьют чай с сушками.

– Прошу разрешения, – осторожно просовывает голову в дверь кок.

– Давай – давай, Абрамов, заходи, – благодушно гудит командир. – Расскажи-ка нам, как ты завариваешь такой вкусный чай, – и кивает на подстаканник.

– Чай? – таращится на адмирала Саня и непроизвольно сглатывает слюну.

– Ну да, – значительно отвечает тот, утирая платком выступившую на лбу испарину.

В течение нескольких минут Саня на автомате излагает рецепт и методику приготовления своего напитка, а затем вытягивается и тупо пялится на начальство.

– Молодца, – цокает языком адмирал. – Порадовал. А почему он у тебя только старший матрос, а? – вопросительно косится на командира.

– Понял, Лев Алексеевич – с готовностью отвечает тот. – Сегодня же исправлю.

– А теперь садись старшина, с нами, – кивает адмирал на свободное кресло. – Вестовой, еще прибор и чаю!

Примерно через час, обласканного Саню отпускают, и он, все еще не веря, что пил чай с адмиралом и теперь старшина, в прострации лезет наверх, подышать свежим воздухом.

– Сань, ты чего? – спрашивает его один из дымящих у обреза на пирсе моряков.

– Дай, – протягивает руку кок и жадно сосет сигаретный бычок.

– Ты ж не куришь!? – удивляется кто-то.

– Это я от чувств, – приходит в себя Саня и рассказывает как пил чай с адмиралом.

– Ну, ты молодец! – весело гогочут приятели. – С тебя причитается!

– Само собой, – расплывается в улыбке кок. – Завтра же и поставлюсь.

Внезапно его лицо меняется, Саня бледнеет и рысит к лодке.

– Да, забрало чумичку, – сплевывает в воду рыжий матрос. – Давно не видал, что б он так бегал.

Пролетев восьмиметровый тубус шахты и центральный пост, Абрамов метеором пронесется по отсекам, скатывается по трапу и приникает ухом к запертой двери провизионки. За ней мертвая тишина.

– Все, кранты, – шепчет Саня, и, вставив дрожащей рукой ключ в замок, дважды его проворачивает. Потом открывает дверь и деревянно переступает комингс.

В мертвенном свете ламп, на деревянном стеллаже, скрючившись сидит Ира и, втянув голову в воротник курточки, звонко клацает зубами.

– Ты г-г-де б-был, к-коз-зел? – шепчут побелевшие губы.

– Ч-чай с адмиралом пил, – тоже заикаясь, отвечает Саня.

Затем раздается дикий визг, в глазах кока мелькает серия вспышек, а девица пульей вылетает наружу.

- Эх, Ира, Ира – тяжело вздыхает Саня и присаживается на корточки.
- И откуда он взялся, этот гребаный адмирал?

Примечания: обрез – половина металлической бочки.

подволок – потолок в корабельных помещениях.

комингс – металлический порог

чумичка (то же, что и половник), жаргонное название коков.

С легким паром

Удобно устроившись в кресле вахтенного и забросив ноги на направляющую балку, я с интересом читаю «Караван PQ-17» Пикуля. Второй час ночи, на лодке тишина и убаюкивающее гудение дросселей люминесцентных ламп.

Внезапно у кормовой переборки раздается резкий зуммер отсечного телефона, я встаю, и направляюсь туда.

– Не спишь? – раздается в трубке загробный голос Витьки Допиро. – Пошли на дебаркадер, помоемся.

– Идет, – говорю я, и вщелкиваю ее в штатив.

Помыться стоит, тем более что мы готовимся к очередному выходу в море и целыми днями принимаем на борт различное оборудование, приборы, расходные материалы и продукты.

К тому же я подвахтенный, а рядом с лодкой, у причала, пришвартован заводской дебаркадер с отличными душевыми для гражданских спецов.

Достав из бортовой шкатулки у торпедных аппаратов казенное полотенце, мочалку, шампунь и мыло, я сую все в защитную сумку от противогаза, набрасываю ее на плечо и спускаюсь на нижнюю палубу.

Во втором отсеке, у пульта химического контроля, работают две молоденьких малярши, а рядом пританцовывает и скалит зубы, сменивший меня, вахтенный носовых отсеков, Славка Гордеев. Помимо обхода отсеков, в ночное время мы обеспечиваем все огнеопасные работы, которые ведутся на лодке.

– Видал? – подмигивает мне Славка и вожаделенно пялится на обтянутый комбинезоном, пышный зад одной из девиц.

Я ухмыляюсь, молча показываю ему большой палец и ныряю в люк третьего.

Там меня уже поджидает Допиро, с такой же сумкой.

Мы взбегаем по звенящему трапу в центральный пост, где в окружении светящихся датчиков и мнемосхем скучает вахтенный офицер, и просим разрешение подняться наверх.

– Давайте, – значительно кивает тот головой, и мы исчезаем в шахте люка.

Наверху россыпи звезд, начался отлив и пахнет морем.

Сойдя по узкому обводу на трап, мы минуем караульную будку, с стоящей у нее «вохрой», с наганом в кобуре, и ступаем на широкий, заасфальтированный причал.

Несмотря на глубокую ночь, завод работает. В огромных, высящихся вдали цехах, мерцают вспышки сварки, слышны звон металла, грохот пневмомолотков и урчанье электрокаров. Родина укрепляет свой ядерный щит.

Миновав стоящую позади нас в ремонте лодку, мы подходим к ярко освещенной коробке дебаркадера. На нем расположены всевозможные мастерские и подсобки, в числе которых шикарная душевая для заводских рабочих.

Отдраив нужную нам дверь, мы спускаемся вниз и попадаем в обширную раздевалку. В ней, в ярком свете плафонов, белые шкафчики у переборки, мягкие маты на палубе и низкие длинные скамейки по периметру. Из-за неплотно прикрытой двери душевой, слышен шум воды, неясные голоса и выбиваются клубы пара.

– Во, кто-то уже моется, – говорит Витька, после чего мы раздеваемся.

Потом я тяну на себя тяжелую дверь, мы переступаем высокий комингс, и обширная душевая оглашается пронзительным визгом.

Там, в молочном тумане, мелькают несколько розовых тел, и в нашу сторону летят мочалки.

– Ух ты-ы! – восхищенно гудит Витька, и тут же получает одной в лоб.

- Пошли отсюда! – орут из кабинок девицы и стыдливо прикрываются руками.
- Да ладно вам, – утирает с лица мыльную пену Витька. – Матрос ребенка не обидит! Ведь так, Валер?
- Ну да, – отвечаю я, и мы, посмеиваясь, семеним по кафелю в другой конец душевой.
- Соседки, что-то бубнят, потом хихикают и, поддав напоследок пару, по одной выскальзывают за дверь.
- Хорошо помыться, мальчики! – весело кричит последняя.
- И вам не хворать, – бубнит Витька, намыливая голову.
- Через полчаса, изрядно напарившись и ополоснувшись напоследок, мы возвращаемся в пустую раздевалку, в изнеможении опускаемся на скамейки.
- Хорошо, – говорит Витька, тяжело отдуваясь. – А у нас в Сибири, бабы между прочим, с мужиками моются.
- Иди ты?! – не верю я.
- Сам иди, – хмыкает приятель. – В деревнях.
- Потом мы обсуждаем забавное приключение, хохочем и направляемся к своим шкафчикам.
- Твою мать! – выпучивает глаза Допиро. Рукава его робы и штанины, завязаны мокрыми узлами.
- То же самое и с моей.
- Вот сучки, – шипим мы с Витькой, пытаясь развязать узлы. Но не тут-то было, они затянуты намертво.
- Следующие полчаса, матерясь и действуя зубами, мы все-таки приводим робы в рабочее состояние, напяливаем их на себя и спешим назад.
- Кто это вас так изжевал, коровы, что ли? – весело интересуется вахтенный офицер и с интересом пялится на наши робы.
- Ага, товарищ лейтенант, с сиськами, – кивает Витька, и мы сыпаемся на нижнюю палубу.
- Ну что, как говорят с легким паром, – бормочет Витька, когда, добравшись до каюты, мы заваливаемся в койки.
- И тебе не хворать, – зеваю я, и мы проваливаемся в сон.

День счастья

– А давай сегодня рванем в самоход, – предлагает Витька, наблюдая, как я швыряю за борт оставшийся от обеда кусок хлеба. На него сверху пикируют бакланы и устраивают шумную драку.

– Не, – говорю я, – не пойду. И швыряю второй.

В прошлый раз нас едва не отловил базовый патруль, и загреметь на «губу» у меня нету ни малейшего желания.

– Ну, как знаешь, – вздыхает Витька, ловко отщелкивая сигаретный бычок в сторону качающихся на воде птиц.

Через час, немного вздремнув, мы спускаемся по крутому трапу на пустынный причал, строимся и, гремя сапогами, направляемся вдоль залива, в сторону виднеющегося вдаль морзавода.

– Прибавить шаг! – изредка бухтит шагающий сбоку строевой старшина Жора Юркин, на что мало кто обращает внимание.

За последние дни, готовясь к очередному выходу в море, команда здорово вымоталась, и на то есть причины.

Кроме нас, на ракетносец необходимо принять почти сотню заводских специалистов, представителей различных закрытых НИИ и военпредов. Всех их следует возможно комфортно разместить и каждодневно питать по нормам морского довольствия.

А посему, с раннего утра и до поздней ночи, под ласковые речи помощника и интенданта, команда загружает провизионки, холодильники и трюмы, всем необходимым для плавания.

Тут и мороженные говяжьи и свиные туши, горы деревянных и картонных ящиков со всевозможными консервами, шоколадом и вином, тяжеленные мешки с мукой, сахаром и крупами, а также всевозможные «расходные» материалы. Все это мы получаем на складах, доставляем к лодке, спускаем вниз и растаскиваем по отсекам.

Сегодня последнее усилие – после обеда осталось загрузить тонну какой-то аппаратуры, полстони фанерных «самолетов», для тех, кому не досталось места в каютах, а заодно пару грузовиков с картофелем и капустой.

К вечеру, помывшись в душе на стоящем рядом дебаркадере, мы с чувством выполненного долга возвращаемся на плавбазу. Бачковые получают на камбузе ужин, накрывают раскладные столы и все, рассевшись по боевым частям и службам, активно работают ложками.

Потом, мы выходим наверх, дышим сигаретами на юте, и гадаем, что случится в этот раз, накануне выхода или в море. Как правило, в такие дни происходят занимательные истории.

Однажды, весной, захворал какой-то важный спец из «Рубина», и вместо него на выход прислали хорошенькую женщину. Наш командир отказался идти в море и потребовал специалиста-мужчину. Разразился большой скандал, но «кэп» уперся и мужика все-таки нашли.

В другой раз, уходя на глубоководные испытания, мы забыли на берегу доктора, он догнал лодку уже в море на каком-то катере и карабкался по шторм-трапу на надстройку, с чемоданчиком в зубах.

А пару недель назад, на ракетных стрельбах, какой-то «блатной» начальник из Москвы, в силу незнания правил пользования, был контужен в гальюне содержимым его баллона, вылетевшим оттуда под давлением в полторы атмосферы. После этого он долго отмывался в душе и сожрал у доктора почти весь валидол.

Предавшись столь приятным воспоминаниям и накурившись до одури, мы строимся на вечернюю поверку на верхней палубе, потом спускаемся в кубрик, вооружаем свои под-

весные койки и укладываемся на тощие, застеленные маркированными простынями и колючими одеялами, пробковые матрацы.

– Руби вольту! – орет дневальному из своего угла Жора, и просторный кубрик погружается в синий полумрак ночного освещения.

В трубах отопления мелодично булькает вода и шипит пар, в отдраенные иллюминаторы веет запахом моря и осенней прохладой, где-то за переборкой привычно шуршат крысы, и мы погружаемся в сон.

Среди ночи всех будит грохот ботинок на трапе, яркий электрический свет и громкая команда «Подъем!».

Под люком стоят наш дежурный офицер, незнакомый лейтенант и два курсанта из местной школы мичманов, с якорями на погонах и красными повязками на рукавах бушлатов.

– Всем построиться на среднем проходе! – хмуро бросает дежурный.

Через несколько минут, натянув штаны, мы стоим вдоль коек и недоуменно взираем на непрошенных гостей.

– Так, смотри, – кивает лейтенант одному из патрульных. У курсанта обиженное лицо и здоровенный фингал под глазом.

Он нерешительно идет вдоль строя и заглядывает нам в лица.

– Нету, – оборачивается к офицерам и шмыгает носом. – Тот был старшина 1 статьи и в бушлате.

– Юркин, Марченко, – тычет пальцем дежурный. – Оденьте бушлаты.

Жора с Лехой недовольно бухтя идут к вешалке, напяливают свои бушлаты и возвращаются в строй.

– Не, – отрицательно вертит головой курсант. – Не они.

– Ну что, все? – скептически смотрит дежурный на лейтенанта.

Тот молча кивает головой, и патрульные неуклюже лезут наверх.

– Товарищ старший лейтенант, а в чем собственно дело? – интересуется кто-то из строя.

– А в том, что какой-то раздолбай оказал сопротивление патрулю и смылся – недовольно отвечает дежурный. – Найдут, пойдет под трибунал. Ясно?

– Чего яснее, – гудит стоящий рядом Володя Зайцев. – Патрулей бить нельзя. И все смеются.

– Ладно, разойдись, всем спать, – смотрит на часы дежурный и тоже поднимается по трапу.

Шеренги распадаются, мы снова забираемся в койки, и дневальный вырубает свет.

– Ну, вот вам и новая история, – зеваает Димка Улямаев. – А фингал у будущего сундука классный.

– Интересно, откуда тот старшина? – интересуется Серега Антоненко.

– А хрен его знает, – отвечает мой сосед Витя Будеев. – Нас на этой коробке рыл пятьсот, а на косе еще бригада подплава.

– Ладно, кончайте базар, всем спать, – бурчит Юркин, после чего все замолкают.

Утром, после завтрака, когда мы встречаемся на юте с ребятами из других экипажей, выясняется, что у них тоже был шмон. Патрулям предъявляли всех матросов и старшин, но те так никого и не опознали.

– И поделом этим чмошникам, – говорит кто-то. – Чтоб не борзели.

Курсантов местной школы мичманов, которая в простонародье именуется «шмонькой», мы сильно не любим и в увольнениях с ними всегда происходят стычки. Теперь на носу очередная, и это бодрит. Помахать кулаками на флоте любят, а причина для драки всегда найдется.

– Главное чтоб увольнения не зарубили, – скаются штатные умельцы. – Мы им еще накидаем банок.

Через пару недель мы возвращаемся с моря и в субботу готовимся в очередное увольнение. В кубрике царит веселое оживление, мы отпариваем шипящими утюгами клеши и драим до зеркального блеска ботинки.

– Да, давненько я не был в городе, – полирует асидолом бляху на ремне Витька.

– Так уж и давно, – фыркает сидящий напротив Юркин, и кубрик сотрясается от хохота.

А через час, получив увольнительные и благоухая «Шипром», мы веселой толпой скачиваемся с трапа. Впереди целый день счастья.

Увольнение

Весна. Эстония. Атомный учебный центр Палдиски. Здесь проходят переподготовку экипажи атомных подводных лодок Северного и Тихоокеанского флота и в том числе наш, готовящийся к испытаниям ракетного крейсера нового поколения. С утра до вечера мы корпим в классах, на «циклах» и полигонах, где военные умы Центра вбивают в молодые головы необходимые знания и навыки.

В середине мая отцы-командиры отпускают нас в первое увольнение в город.

От всех боевых частей и служб по одному человеку – старослужащему, от минеров меня, как единственного представителя срочной службы.

Одетых в форму «три», благоухающих одеколоном счастливцев отводят на плац перед КПП и вместе с моряками из других экипажей, тщательно осматривают. Десяток флотских стилиг, в непомерно широких клешах и зауженных форменках, офицеры возвращают назад для переоблачения, а с остальными проводится инструктаж о правилах поведения в городе. Из него следует, что нам запрещено пить, курить, нецензурно выражаться в общественных местах, а также вступать в конфликты с местным населением и представителями других родов войск.

Затем следует команда «Вольно, разойдись!», и около сотни моряков радостно вываливаются за ворота части.

Погода на все сто, в карманах есть немного денег – платят нам намного больше, чем сухопутным бойцам и мы свободны, как ветер, до двадцати трех.

– Полный вперед! – командует Жора Юркин, взблескивая на солнце старшинскими лычками и сдвигая на затылок щегольскую бескозырку. – Нас ждут великие дела!

Для начала, весело балагурия и переругиваясь, мы направляемся в городской парк, где с интересом разглядываем памятник борцу с царским режимом Салавату Юлаеву и интересуемся у Сашки Мингажева, не его ли это предок.

– Не-е-е, – щурит узкие глаза Сашка. – Он был башкир, а я казах.

Затем минуем центральную аллею, где молодые мамы катают в колясках младенцев, выходим на главную улицу города с нерусским названием Лауристини и направляемся к Дому офицеров.

Там, в кубическом современном здании, находятся ресторан для офицеров, кинозал, буфет, и один из танцевальных залов, который нам разрешено посещать. В нем уже подключают аппаратуру и настраивают электрогитары несколько чубатых моряков с бербазы.

– Жорка, Сашка! Здорово черти! – внезапно раздается сбоку, и к нам подходят трое рослых старшин. Они оказываются сослуживцами Юркина с Ханниковым по прежней службе в Заполярье. Следуют веселые возгласы, смех и объятия, после которых выясняется, что теперь парни служат на ТОФе и после автономки, как и мы, проходят переподготовку в Центре.

– Такую встречу надо вспрыснуть! – заявляет один из тихоокеанцев, с бумажным пакетом в руке.

Не сговариваясь, идем через город в сторону залива, благо наши новые друзья уже неоднократно бывали в увольнении и все здесь изучили. По дороге сбрасываемся и в небольшом магазинчике, по их рекомендации покупаем несколько бутылок эстонского ликера «Вана Таллинн».

Я удивлен, что столь крепкие ребята потребляют дамские напитки, но как самый молодой в компании, помалкиваю.

На берегу залива пустынный пляж, где мы и располагаемся у громадного, поросшего мхом валуна, являющегося местной достопримечательностью. Из принесенного с собой пакета извлекаются яблоки, печенье и пару стаканов.

– Посуду позаимствовали в буфете, – смеется конопатый старшина с необычным именем Клавдий.

Откупориваем высокие, выполненные в виде башенок бутылки, поочередно пьем за встречу. Ребята одобрительно крикают и смачно хрустят яблоками.

Когда очередь доходит до меня, понимаю мудрость старослужащих. Ликер терпок, душист и по крепости не уступает водке. На наклейке указана плотность – 45*.

Завязывается оживленная травля, перемежающаяся тостами. Затем мы раздеваемся и пытаемся искупаться, но ничего не выходит – вода в заливе чертовски холодная. Зато можно загорать, что мы и делаем.

Обращает на себя внимание нездоровая бледность тихоокеанцев. По сравнению с ними мы намного смуглее.

– Вот побудешь в автономке без солнца и свежего воздуха суток девяносто, таким же «красивым» станешь, – хлопает меня по спине обильно покрытый татуировкой старшина.

Солнце понемногу клонится к горизонту, с залива тянет свежим бризом, пора уходить. Приводим себя в порядок, и направляемся в Дом офицеров.

Танцы там в самом разгаре.

В зале полно моряков, наших и из местного подплава, пограничников и морских пехотинцев.

Последние обращают на себя внимание громадным ростом, выправкой и статью. На них черные береты, такие же куртки и заправленные в короткие сапоги брюки.

Между одетыми в форму ребятами, яркими бабочками мелькают девчонки. Их вдвое меньше, и многие «бойцы» танцуют друг с другом или стоят группами у колонн.

«Снять» после перерыва подругу, удастся только разбитному Ханникову, да и то ненадолго. После первого же танца, ее уводит у Сани из – под носа рослый морпех.

Возвращаемся в часть без четверти одиннадцать. После отбоя долго обмениваемся впечатлениями от увольнения и строим планы на следующее. Главный вопрос – как обзавестись подругами. Это Юркин и Ханников берут на себя.

На следующей неделе они развивают бурную деятельность, цель которой – проучить морпехов и отбить у них представительниц прекрасного пола.

Для этого в свободное время проводятся встречи и переговоры со старослужащими из других экипажей, в число увольняемых подбираются наиболее крепкие и задиристые, со всех наборов без исключения. Попадаю туда и я.

Накануне увольнения, из укромных мест, именуемых на флоте «шхерами», запасливыми годками извлекаются несколько матросских ремней с залитыми свинцом бляхами. Мне приходилось видеть такие на гражданке и даже испробовать одну на собственной шкуре. Ощущение не из приятных.

В этот раз из нашего экипажа в увольнение идет порядка пятнадцати человек, одетых строго по форме. Приготовленные ремни заранее упаковываются в пакет и перебрасываются через ограждение в укромном месте.

Вновь предварительно собираемся на пляже, но уже в более значительном составе.

Решено – морпехов бить сразу, в начале танцев, пока туда не подтянулись гуляющие по городу патрули. Разборку начинает Юркин. Вне зависимости от результатов, пехотинцев лупить почем зря и гнать до самой части, чтоб надолго запомнили. После драки на танцы не возвращаться, а небольшими группами и в разное время, топтать в часть.

Для куража размялись «Вана Таллинном», перекурили и поочередно двинулись к ДОФу³ Картина та же – морпехи весело отплясывают с девчонками, моряки стоят, облизываются.

Жора не зря был у нас строевым старшиной. Решения он принимал быстро и так же оперативно претворял их в жизнь.

Как только начался очередной танец, Юркин выбрал приглянувшуюся ему девчонку и пригласил ее. Тут же, как из – под земли, появился сержант – морпех и девица, смеясь, упорхнула с ним в центр зала. Жора проследовал за ними, и, оттеснив сержанта плечом, взял девчонку за руку. Сержант отпихнул соперника и тут же получил удар в челюсть, но не упал, а перехватив руку старшины отшвырнул его к колоннам.

Не удержавшись на скользком паркете, Жора с грохотом обрушился на него, сбив по пути какого-то пограничника.

На сержанта набросились сразу несколько моряков, но он, играючи, расшвырял и их.

В зале поднялся невообразимый визг и шум. Не смотря на активное сопротивление и все увеличивающиеся потери, мы оттеснили сгрудившихся тесной группой морских пехотинцев к колоннам, и им изрядно доставалось. В воздухе висели мат и рев.

Постепенно в драку ввязывалось все больше моряков и морпехам приходилось не сладко.

В итоге мы вытеснили их в вестибюль, а потом и на улицу, где мне крепко врезали сначала по уху а затем по ребрам. В воздухе замелькали ремни, и противник побежал. Преследовали мы его недолго – за городом, из ворот части, с ревом вывалила встречная толпа морпехов, которая, безусловно, разнесла бы нас в клочья, и теперь драпали мы.

Но продолжения разборки не последовало. Прибывшие к месту патрули собрали битых, а остальные шустро разбежались по парку и другим укромным местам.

Отдышавшись, оглядываем друг друга. В нашей группе четыре человека – Юркин, Кругляк, Допиро и я. Внешне вроде все целы. Только у Жоры форменка разорвана до пупа, да у меня ухо вдвое больше обычного. Непонятным образом Допиро сохранил бескозырку, из подкладки которой извлекаем иглу с черной ниткой и кое-как зашиваем старшине форменку.

Умывшись под краном в каком-то переулке и приведя себя в относительный порядок, осторожно движемся к части. На КПП нас переписывают и расспрашивают о драке в ДОФе.

Делаем круглые глаза и рассказываем, что по дороге в часть нарвались на хулиганов-морпехов, от которых еле спаслись. Дежурный, капитан – лейтенант, недоверчиво хмыкает, но отпускает нас.

А утром, после завтрака, перед строем неспешно расхаживает старпом и скептически нас рассматривает. Затем вызывает из строя всех увольнявшихся и объявляет месяц «без берега».

– Есть! – бодро рывкаем мы. Ведь могло быть и хуже.

³ дом офицеров флота.

Весенне томление

В 1973 году наш экипаж, завершая государственные испытания новой подводной лодки, обретался в славном городе Северодвинске и жил на широко известной всем тогдашним подводникам Заполярья плавбазе «Иртыш».

Май в том году был небывало солнечным, теплым и будоражил молодые матросские организмы. Но в силу загруженности, в увольнение начальство пускало нас изредка и нехотя.

В результате, в этот период весеннего томления мы научились делать брагу и тайно потребляли ее в укромных местах. Наставниками выступили моряки плавбазы за небольшую мзду, в виде нескольких пластин плексигласа и эбонита, которые мы принесли им с завода. Оказывается, ушлые парни давно освоили это производство и успешно пользовались его плодами.

Суть заключалось в следующем. Практически на всех боевых постах плавбазы, а также верхней палубе, были развешены пенные огнетушители. По ночам местные умельцы разоружали некоторые из них, стравливая пену за борт и в трюм, а сами емкости выпаривали кипятком.

После этого в емкость заливалось несколько трехлитровых банок яблочного сока, засыпались сахар и дрожжи. Перевооруженный огнетушитель водружался на штатное, как правило, находившееся в тепле место, и в течение недели в нем созревала крепчайшая военноморская брага. Однако попользоваться чудным напитком пришлось недолго.

В одном из небрежно закупоренном «бражном» огнетушителе, давлением забродившего напитка сорвало крышку. Причем висел он на солнечной стороне надстройки верхней палубы судна и «взорвался» в самый неподходящий момент – при подъеме флага. Последствия были весьма плачевные.

Так как виновных не нашли, всех без исключения моряков плавбазы лишили увольнений на месяц, нам для профилактики тоже сократили их до минимума.

Примерно в это же время, не иначе как под влиянием полярной весны, в нашем славном экипаже произошло ЧП, едва не закончившееся трибуналом для его участников. Суть заключалась в следующем.

Погожим беломорским утром штурманская боевая часть с командиром группы и старшиной команды выехала в Архангельск для получения навигационных приборов на флотских базовых складах. Все необходимое им выдали без проволочек и, поскольку время еще оставалось, лейтенант и мичман отправились в город, предоставив моряков самим себе. А что делает в таких случаях истинный североморец? Правильно. Ищет приключений.

Для начала парни достали у местных аборигенов «шила» и по братски распили его. Затем двинулись на железнодорожный вокзал на людей посмотреть, и себя показать.

Там к несчастью стоял ждущий отправления на Ленинград поезд со студенческим строительным отрядом, в котором было много симпатичных девчат. Поскольку весна в головах и «шило» в желудках настраивали на поэтический лад, ребята решили приударить за несколькими приглянувшимися им девицами. Студентам, которые тоже были навеселе, это не понравилось.

В итоге возникла потасовка, в ходе которой наши орлы Антоненко, Гордеев, Корунский и Лука здорово отметили инфантильных питерцев.

На шум драки прибежали два сержантских патруля, попытавшихся унять буянов и доставить их в комендатуру. Не тут-то было. Разошедшиеся штурмана отлупцевали и патрульных. Причем темпераментный гагауз Лука, которому разорвали форменку до пупа, вконец озверел и, намотав на руку ремень с бляхой, стал загонять в вагон всех студентов, которые еще не успели сбежать.

Спасли положение инструктора-десантники из ближайшей учебки, вызванные избытыми патрульными. Их привалил целый грузовик, в кузов которого, после непродолжительной схватки и позабрасывали бесчувственные тела сильно помятых, но непобежденных романтиков. В учебке их определили на местную гауптвахту, откуда подоспевшие командиры вызволили «героев» без лишнего шума.

Впрочем шум был. Уже в экипаже все участники побоища были посажены на свою родную, морскую гауптвахту.

Помимо Вани Луки в команде у нас служили еще двое ребят из Молдавии – Володя Дараган и Витя Будеев. Это были веселые и добродушные парни. Но если Будеев был скромен и рассудителен, то Дараган отличался бесшабашностью и удалством. Он был любимцем замполита, так как активно участвовал в выпуске стенгазеты, а также корабельным почтальоном. Своим положением почмейстера Витька дорожил и никаких посягательств на эту должность не терпел. Но весна и с ним сыграла злую шутку.

Как всякий молдаванин, Дараган был неравнодушен к вину. А его в городе было навалом.

Особым успехом пользовался у моряков дешевый и крепкий портвейн «Три семерки». И каждый раз, следуя на почту за корреспонденцией, а затем возвращаясь на базу перед обедом, лукавый молдаванин приносил в своем почтовом чемодане несколько бутылок портвейна, купленного для нас на заранее собранные деньги. Их содержимое употреблялось за обедом, причем довольно хитро. Из чайников с компотом отливалась часть напитка, а вместо него заливалось вино. И все это выпивалось под маркой компота, иногда даже в присутствии дежурного офицера или мичмана.

Но как говорится в известной пословице «Не долго музыка играла, не долго фряер танцевал...».

Все хорошее, когда-нибудь, да кончается.

Был понедельник, день политзанятий. С учетом тихой солнечной погоды их проводили на причале, у борта плавбазы. Присутствовали все свободные от вахты моряки, чинно восседавая на расставленных в ряд корабельных банках.

Замполит – капитан 2 ранга Башир Нухович Сабилов, что-то гортанно вещал по поводу милитаристской политики США, а мы походя записывали его умные мысли в тетради, дремали и грезили ожиданием обеда.

Вдруг сзади раздались какие-то перешептывания и тихие возгласы. Оборачиваюсь и вижу следующую картину.

По пустынной территории от КПП вдоль пакгаузов, в нашу сторону неверными шагами движется какая-то вихляющаяся фигура с чемоданом на плече. Это был смертельно пьяный Дараган.

Не обращая внимания на сидящую недалеко от трапа команду и напевая что-то на непонятном языке он, оступаясь и бранясь на крутом трапе, карабкается по нему на судно и исчезает из поля зрения.

– ?!

Передав конспект с тезисами помощнику, вслед за Витькой по трапу взлетает взбешенный Башир Нухович.

Еще через несколько минут из крайнего носового иллюминатора, за которым находилась каюта замполита, раздался рев и стали вылетать и плюхаться за борт бутылки с заветным напитком.

– Одна, вторя, третья... пятая, – заморожено считали мы.

Всего было выброшено с утоплением девять бутылок. Еще через некоторое время по трапу, теперь уже вниз, в сопровождении дежурного мичмана понуро продефилировал Дараган, облаченный в робу, сапоги и бушлат.

– На губу..., – прошелестело по рядам.
Так закончилась эта винная эпопея и карьера великого почтальона.
А служба покатила дальше.

Хрюнов кормили как матросов

А расскажу – ка я вам историю, которая случилась в период службы одного моего приятеля, ныне капитана 2 ранга в запасе, на 604 береговой базе Черноморского флота.

Она обеспечивала материально-техническими средствами бригаду торпедных катеров и организационно, как тыловая часть, входила в ее состав.

На бербазе в те далекие 70-е годы проходили службу советские парни, достигшие 18 летнего возраста и призванные из различных уголков нашей великой страны, где уже был построен социализм в целом, и мы защищали светлое коммунистическое общество.

Ежегодно, в зимний и летний периоды, командование штаба флота проводило проверку боевой и политической подготовки флотских частей.

К предстоящей проверке личный состав нашей базы готовился заблаговременно и для ее начала, командир бригады объявлял организационный период, что означало запрет выхода за пределы части, отмена увольнений и других культурных мероприятий.

Матросы и старшины денно и нощно изучали и штудировали инструкции, конспектировали работы классиков марксизма-ленинизма, материалы съездов КПСС, отрабатывали строевую подготовку на плацу.

Особенно им не нравилось отрабатывать элементы строевой подготовки по разделением и в своем кругу это называлось «гонять стручка».

Мичмана и офицеры части с подъема и до отбоя дотошно проверяли форму одежды и знание воинских уставов у своих подчиненных.

Накануне приезда комиссии, самых нерадивых матросов рассовывали в такие потайные места части, где их не возможно было найти проверяющим.

И вот долгожданный сигнал с КПП – «Едут!!!».

Все в бригаде сразу задвигалось и зашевелилось.

Командиры и старшины нервозно, доложили по команде о готовности к проверке. И не дай бог кому-то из матросов оказаться вне боевого поста!

За такое разгильдяйство его ждало жесточайшее наказание, вплоть до помещения на гарнизонную гауптвахту.

В те времена, согласно Директивам Министерства обороны СССР и соответственно указаний и распоряжений флотского начальства, в целях улучшения питания личного состава кораблей, на береговых частях и соединениях флота создавали подсобные хозяйства.

Для пополнения же запасов продовольствия, в осеннее время хозяйственники отряжали матросов, как дешевую рабочую силу, в колхозы и совхозы на уборку урожая.

И вот заходит на подсобное хозяйство бербазы проверяющий, интендантский майор, а к нему из хлева в засаленной робе и бушлате без пуговиц выскакивает наш свинарь, матрос Охапкин Серега, по кличке «Подводник». Заработал он ее за то, что регулярно подвозил на конной подводе корм и воду для свиней.

Ну, так вот, подбегает Серега, утирая сопли к майору и докладывает, что на его боевом посту, двадцать свиней и кобыла по имени «Торпеда», на которой он завозит корма (отходы) с камбуза личного состава бригады для своих питомцев.

Прикрыв надушенным платком нос, так как от нашего свинаря шло неземное «амбрэ», майор пошел осматривать его хозяйство.

А затем спрашивает Охапкина: «Чем кормишь хрюшек? Очень уж они у тебя упитанные».

А тот отвечает: «Тем же, что и матросов!», имея в виду отходы с камбуза.

«А чем же тогда у вас кормят матросов?!» удивился проверяющий

«Тем же, что и свиней, товарищ майор!

Присутствующие при этом диалоге так и покатались со смеху.

Долго еще затем в базе потешались над этим случаем, даже придумали афоризм: «Матросов кормят как свиней, а свиней, как пьяных матросов».

Начальство, оно от Бога

Вернувшись с обеда, старшина 1 статьи Волков удобно расположился в кресле командира БЧ⁴ и, забросив ноги на направляющую стеллажа торпеды, застыл в блаженной истоме. С нижней палубы доносилось монотонное бубнение молодого, заучивавшего книжку «боевой номер».

– Учи, учи, карась, – благодушно подумал старшина, бездумно уставившись в подволок и шевеля пальцами в новых тапочках.

Служить ему оставалось всего ничего, настроение было отличным, и Волков предался мечтам о «гражданке». Однако вскоре прохладная тишина отсека нарушилась звяком переборочного люка, шарканьем ног и неразборчивыми голосами внизу.

– Опять эти «безлошадные», – неприязненно подумал старшина и покосился на мерцающие в полумраке стрелки корабельных часов на корабельной переборке. С обеда вернулся второй экипаж, третий день знакомящийся с лодкой.

– Не было печали, черти накачали, – пробурчал Волков и, опустив на палубу затекшие ноги, поковылял к светлому пятну отсечного люка. Присев у люка на корточки он тихо свистнул, и снизу на него уставились раскосые глаза вахтенного у трапа, с болтающимся на поясе штык – ножом.

– Безлошадные? – спросил у него Волков.

– Ага, – утвердительно, кивнул тот бритой головой на тонкой шее.

– Смотри за ними, что б ничего не сперли, – нахмурился старшина. – ПонЯл?

– Ага, – снова сказал молодой и шмыгнул носом.

– Ну, давай, бди, – одобрительно хмыкнул Волков и, встав, вразвалку двинулся обратно.

В принципе, против моряков второго экипажа он ничего не имел, но в свое первое посещение корабля, те умудрились спереть у механиков банку припрятанной воблы, один пытался открыть в трюме клапан затопления, а самый любознательный, изучая станцию пожаротушения, стравил на среднюю палубу третьего отсека, целую гору пены.

– После Палдиски⁵, эти парни способны на все! – мрачно предупредил лодочную вахту на утреннем инструктаже помощник, прохаживаясь по пирсу перед строем. Того и гляди утопят нас у пирса. Так что присматривайте за ними. Понятно?!

– Точно так! – вразнобой заголосила вахта.

Размышляя, чего ожидать от экскурсантов в этот раз, Волков отщелкнул замки на одном из ящиков «зипа» и мурлыча под нос похабную песенку про Садко заморского гостя, стал готовить к вентиляции торпед запорную аппаратуру.

В это время у кормовой переборки резко звякнул стопор открытого люка, раздалось тяжелое сопение, и в пятне света возникла чья-то голова в пилотке.

– Тэ-экс, – баском протянула она, озирая отсек – посмотрим, что у нас здесь, – и в узкое отверстие люка стала протискиваться грузная фигура в матросском ватнике.

– Безлошадный, – мелькнуло у Волкова в голове и, оставив свое занятие, он решительно шагнул тому навстречу.

– А ну, давай двигай отсюда! – наклонившись к незнакомцу, рывкнул старшина и, упершись рукой в его голову, выпихнул моряка из люка.

– Ты что делаешь, сволочь! Сгною! – заорали снизу.

– Пошел я тебе сказал! – повторил Волков, после чего, вернувшись к торпедным аппаратам, снова принялся возиться с «зипом».

⁴ боевая часть на корабле

⁵ атомный учебный центр ВМФ СССР на Балтике

Через минуту замигал огонек «каштана», и старшину вызвали в центральный пост. Там, рядом с хмурым командиром, в кресле сидел его недавний гость.

– Ты что себе позволяешь? – прошипел глядя на Волкова капитан 1 ранга. – В дисбат захотел?!

Только теперь старшина заметил, у незнакомца под ватником синий габардиновый китель и его бросило в холодный пот.

– Никак нет, – уныло ответил Волков. – Я думал, что это матрос.

– Какой матрос!! – рявкнул капитан 1 ранга. – Это же командир второго экипажа нашей лодки, старший офицер! А ты твою мать, выпихнул его из отсека!

Михал Иванович, – обернулся он к помощнику. – Оформи этого раздолбая на пятнадцать суток. Что б служба раем не казалась.

...На следующее утро, препровожденный старшиной команды на гарнизонную гаупт-вахту, Волков понуро стоял перед ее начальником, пожилым толстым прапорщиком.

– Чего этот герой отчебучил? – поинтересовался тот у мичмана, прочитав записку об арестовании, с традиционной формулировкой «за нарушение воинской дисциплины».

– Да так, не узнал одного большого начальника, – лаконично ответил мичман.

– Непорядок, однако, старшина, – назидательно произнес прапорщик. – Непорядок. Начальство нужно знать в лицо. Оно ведь того, от Бога! И многозначительно поднял вверх пухлый палец.

С тех пор минуло немало лет. Старшина Волков сам стал большим начальником. И при случае, распекая подчиненных за различные провинности, часто с иронией поминает ту запомнившуюся ему фразу старого прапорщика: «Начальство, оно того, от Бога», думая про себя, – а может и от Черта. Кто знает?

Примечания:

БЧ – боевая часть на корабле.

Книжка «Боевой номер» – свод инструкций по корабельным расписаниям.

Безлошадные (жарг.) – экипаж, временно не имеющий своего корабля.

Минный ликер

Середина 70-х. Заполярье. Северный флот. Борт подводного ракетноносца «Мурена».

Вернувшись после отработки из очередных морей, готовимся к приему боевых торпед. Их необходимо принять на борт в количестве восемнадцати и в том числе, две с ядерными зарядами. Остальные снаряжены боеголовками с «морской смесью». Поскольку со спецторпедами на корабле мы работаем впервые, боевая часть на время погрузки усиливается старшиной команды торпедистов с соседней лодки по фамилии Тоцкий.

Ему далеко за сорок, за плечами десятки автономок и стрельб, так что свое дело мичман знает туго. Об этом свидетельствуют и жетон «Мастер военного дела», а также несколько орденских нашивок на кителе с широкими золотыми шевронами со звездами на рукавах. Кроме того, по слухам, ветеран любитель потравить морские байки в хорошей компании. Короче, живая история подводного флота.

Утро. Залив серебрится под лучами полярного солнца. В конце пирса радостно орут бакланы, пожирая остатки нашего завтрака из мусорных контейнеров. После подъема флага, по боевой тревоге перешвартовываемся к стационарному плавкрану, с которого на лодку и будем принимать боезапас. Тихо постукивают дизеля влекущих нас к громадине крана буксиров, журчит вдоль надстройки аквамариновая зелень воды. Настроение приподнятое. Торпеды опасное и капризное в обслуживании оружие.

В 1962 году на лодке 633 проекта в Полярном взорвался боезапас, разнесший корабль почти полностью. При этом сильно повредило соседнюю лодку и погиб почти весь личный состав обоих кораблей. Взрыв был такой силы, что баллоны с воздухом высокого давления этих лодок потом находили в сопках и на крышах городских зданий.

На пирсе, у крана, уже стоят несколько тележек с торпедами, окрашенными в зеленый и серый цвет. Здесь же обслуга, доставившая их с базового склада. В отсеке к погрузке все приготовлено еще ночью – поднят и вооружен торпедопогрузочный механизированный лоток, приготовлено к приему боезапаса все остальное наше хозяйство.

Швартуемся. К лодке подходит пожарный катер. На рубке субмарины взвизгивает сигнальный флаг «Веду прием боезапаса», и погрузка начинается.

Общее руководство осуществляет с рубки старпом. Наверху работают Мыльников и Порубов. Внизу, в отсеке, Ксенженко с Тоцким и я. Связь из отсека напрямую включена на мостик.

– Внимание, первая, пошла! – слышится через торпедопогрузочный люк команда «бычка». Двухтонная восьмиметровая сигара, обьятая автоматическим бугелем, висит над люком и ложится на палубный лоток. Выполняю несколько манипуляций на гидропульте и ее серебристый обтекатель показывается в зеве погрузочного люка

– Пошла торпеда вниз! – командует Олег.

Репетую – Есть! – и плавно подаю ее в чрево лодки. В отсеке вой и визг гироскопов лотка, урчанье электродвигателей подвижных торпедных стеллажей, шелканье бугелей. Все это сопровождается веселым матерком и прибаутками мичманов. Погрузка началась явно удачно.

К полудню в отсеке находится половина боезапаса, часть из которого сразу же загружается в аппараты, предварительно приводясь в боевой состояние.

Наверху заминка с подвозом торпед с базы. Перекур.

Вылезает наверх из отдраенного люка первого, по очереди дымим в рубке. Старпом доволен, команда работает четко и значительно опережает нормативы погрузки лучших экипажей «Янки». Нет нареканий и с берега. И это при всем том, что у нас с момента прихода

в базу постоянно барахлит гидропривод лотка, стравливая в трюм массу гидравлики и неполадку безуспешно пытаются устранить специалисты плавмастерской.

Временный перерыв командование корабля использует для быстрого обеда. В меню уха, плов, компот и знаменитые булочки с курагой кока Абрамова. Он сует мне их целый пакет, учитывая, что после погрузки в отсек последней торпеды и отбоя тревоги, нам с ними колдовать еще до полуночи. Сашка не бескорыстен, ибо знает, что в этом случае мы разрешим ему поглазеть, как снаряжаются спецторпеды. Это таинство для ограниченного круга, а кок не лишен амбиций. К тому же он жаждет пообщаться со знаменитым Тоцким, который на заре своей службы, якобы тоже был коком.

К двадцати часам весь боезапас в отсеке. Мы валимся с ног. Перешвартовываемся на свой пирс. Отбой боевой тревоги. Свободные от вахты собираются в конце пирса и дружно дымят сигаретами, делясь впечатлениями от погрузки.

После ужина в первый отсек приходит командир, и Тоцкий подробно инструктирует нас о правилах подготовки к бою торпед с ядерным боезапасом. Их две. Это обычные электроторпеды САЭТ-60 с акустической системой наведения, но с ядерным зарядом. Любая из них способна уничтожить авианосное соединение на дистанции более 20 морских миль.

После инструктажа приводим все торпеды в боевое состояние, снимая с них несколько степеней предохранения, затем загружаем в нижние аппараты, которые пломбируются. В вахтенном журнале делается соответствующая запись.

С этого момента у трапа, ведущего на торпедную палубу, выставляется круглосуточный пост с вооруженным матросом. Ее, кроме минеров, имеет право посещать ограниченный круг лиц – командование корабля, вышестоящее начальство и офицер особого отдела.

Поблагодарив нас за хорошую работу, командир уходит в штаб. Выполняем последние операции по раскреплению торпед по штормовому, приведению систем и механизмов в исходное. Отсек преобразился. В нем стало теснее от хищных тел торпед, их специфического запаха опасности и чудовищной силы. Вслед за командиром уходит Мыльников, ему заступать на вахту.

– Ну что, Петрович, может перекусим? – дружески хлопает Олег Тоцкого по спине.

– А почему нет? – милостиво соглашается ветеран.

По знаку Ксенженко спускаюсь вниз и приказываю уже стоящему там вахтенному из первогодков никого не допускать к трапу, ведущему на торпедную палубу.

– Засыпаем уран в торпеды, усек?! – громко шепчу ему на ухо.

– Усек, – испуганно округляет глаза вахтенный и судорожно хватается за висящий на поясе штык.

– Вот-вот, как только кто сунется, сразу коли!

Поднимаюсь на палубу и задраиваю люк.

В отсеке уже стоит снятый с подволока раскладной стол и мичмана быстро комплектуют его чем бог послал. А послал он нам к «тайной вечере» несколько бутылок «Старого замка», батон копченой колбасы, шпроты, консервированный сыр и шоколад. Есть еще несколько банок томатного сока и галеты. Наполняем кружки вином и смотрим на Тоцкого.

– За Подплав, быть ему вечно! – провозглашает он тост. Молча сдвигаем кружки, пьем кисловатое вино, закусываем. Гудит зуммер отсежного телефона. Снимаю трубку. В ней голос Абрамова.

– Валер, ты? Я вам тут эскалопов нажарил, нести?

– Товарищ, мичман, – обращаюсь к Олегу, кок лично желает угостить нас эскалопами.

– Давно пора, – смеется Ксенженко, – пусть тащит.

Отдраиваю люк, свешиваюсь вниз.

– Вахтенный! Сейчас подойдет кок со взрывателями, пропустишь!

– Есть пропустить, товарищ старшина!

Через несколько минут в люк протискивается Саня с картонной коробкой, из которой вкусно пахнет. На стол водружается судок с сочными кусками мяса и жареным картофелем, и несколько пышных, только что испеченных лавашей. Следует еще пора тостов, после чего начинается неизменная морская травля. Вино легкое и располагает к душевной беседе. И она льется неспешно, как это бывает только на кораблях после тяжелых работ и авралов, в кругу близких друзей. Не забываем и молодого, спуская ему толику мяса с хлебом.

– Да, под твою свинину Абрамов, хорошо бы по лампадке шила – заявляет Порубов. – Да его Мыльников в свой шкаф зашхерил, – кивает на отсечный сейф.

– А что, у вас своего нету? – удивляется Тоцкий.

– Веришь, Петрович, в данную минуту ни грамма, ну да ничего, сейчас найдем. Ковалев, дуй к ракетчикам, они нам должны! – басит Ксенженко и тянется к телефону.

– Отставить! – смеется ветеран. – Шила у вас навалом. Ну, так где оно? Что подсказывают знания? – хитро щурится Тоцкий, похлопывая по брюху ближайшей торпеды.

– Правильно, в ней есть, – отвечает Олег. – Килограммов шестьдесят, но оно же со рвотными присадками!

– А что подсказывает опыт войны? – интересуется Тоцкий.

– Что пили его, но как, кануло в лету, никто не знает, – чешет в затылке Олег.

– Обижаешь, мичманец, хищно блестит золотой фиксой во рту Тоцкий. Все, что касается минного дела, знаю я, и ношу вот тут – стучит себя по лбу. – Вам, салагам, так и быть, расскажу что-то вы мне глянулись.

– Плесни-ка пайкового, – бросает он раскрывшему от удивления рот Абрамову.

Выпив «Замка» и немного помолчав, мичман выдает краткую историческую справку.

Начиная с первой мировой войны, при использовании торпед в арктических широтах, в целях надежной работы имеющихся у них механизмов, в торпеды заливали чистейший ректифицированный спирт. У обслуживающих их минеров организмы замерзали не меньше, в связи с чем спирт зачастую, в тех или объемах, выкачивался из торпед и выпивался.

А вместо него, в чрева роковых красавиц закачивалась банальная вода.

В результате, при стрельбе такими торпедами, они нередко тонули. Атакуемые корабли, в свою очередь, обнаружив атакующих, топили их. Получаемая от «доения» торпед продукция, в русском флоте называлась «минным ликером» или «торпедухой», и неизменно использовалась и во вторую мировую войну.

Есть основания полагать, что в силу бесшабашности русского характера, наиболее ярко проявляющегося в авиации и на флоте, торпедуху открыли и потребляли только наши моряки. В принципе, суть ее схожа с русской рулеткой, с той лишь разницей, что в первую играли отдельные офицеры и прапорщики армии, а во вторую целые подразделения, а то и экипажи военных кораблей.

В борьбу с этой роковой привычкой, помимо командования и соответствующих органов, активно включились закрытые НИИ, и примерно в начале 40-х годов придумали присадки, напрочь исключаяющие потребление минного ликера.

Они превращали великолепный ректификат в тошнотворную смесь, отторгаемую нормальным человеческим организмом. Недостаток разработки заключался в том, что крепость спирта оставалась прежней и он горел. А по старой флотской поговорке, подтвержденной ни одним поколением военмором, «морьяк пьет все, что горит и дерет все, что шевелится».

В результате торпедуху продолжали пить со всеми вытекающими последствиями.

Ученые снова ринулись в бой и примерно в 50-е годы придумали новую присадку, вызывающую непреодолимую травлю даже у видавших виды закоренелых потребителей минного ликера. Ее называли рвотной присадкой. Торпедушный кошмар был побежден.

Время от времени, как гласят флотские байки, отдельные корабельные умельцы пытались возродить историческую традицию, пытаясь очистить опоганенный спирт с помощью

разных кустарных приспособлений. Но, увы, успеха не добились. Моряк, будь он даже мастер военного дела, против академиков и профессоров неуч.

– Такие вот дела, сынки, – с грустью закончил рассказ Тоцкий.

– И что ж, так и похерили дедовскую традицию? – прошептал со слезой в голосе Порубов. Вместо ответа ветеран хлопнул ладонью по брюху ближайшей СЭТ – 60.

– Традиция жива, я угощаю! Не сдрейфите?

– Обижаешь, Петрович! – гудит Ксенженко.

– Добро! Ключ от горловины, чистую емкость и ИП-46 с запасными фильтрами сюда!

Через минуту все необходимое у ног мичмана. Он ставит емкость – ею служит десятилитровая банка из-под сухарей, под сливную горловину торпеды и быстро «отдает» утопленную в корпус медную заглушку. В банке тонкой струйкой начинает течь жидкость фиолетового цвета со сладковатым запахом ректификата. Когда посуда заполняется наполовину, Тоцкий ввертывает заглушку на место. В банке глянцево поблескивает примерно пять кило этой смеси, при виде которой отпадает любое желание, связанное с ее потреблением.

– Ну как? – хитро подмигивает нам мичман. – Блевонтин?

– По моему, хуже, – вякает кок и тут же получает от Олега крепкую затрещину.

– А сейчас будет отличный минный ликер, – поет Тоцкий.

Банка на палубе, над ней перевернутый ИП с отвернутой маской и вынутой из седловины пробкой, а сверху воронка, в которую он осторожно льет «блевонтин» из банки.

На наших глазах происходит чудо. На выходе из нижнего отверстия ИПа, появляется тонкая струйка голубоватой жидкости, похожей на денатурат. Содержимое банки еще раз фильтруем, сменив гипкалитовый патрон в противогазе и через десяток минут имеем не менее четырех килограммов чистейшего ректификата.

Олег осторожно макает палец в емкость и облизывает его.

– Ну как? – вопрошает Порубов.

– Чистейшее шило. Нам для работы выдают хуже. Ты, дед, великий химик, только без степени, – глубокомысленно изрекает Ксенженко.

– Но запомните, – предупреждает Тоцкий. – Больше чем на пять килограммов, доить торпеду нельзя. Запорите.

После этого дегустируем продукт. Пьем по-северному, не разбавляя и запивая томатным соком. Спирт ударяет в головы, и мы наваливаемся на снедь, которой еще в избытке. Затем Порубов осматривает отсек и докладывает в центральный пост о результатах. Абрамова отправляем отдыхать – ему готовить завтрак для ночной смены. Я тоже укладываюсь спать на поролоновый матрац за торпедами правого борта, поскольку в восемь утра мне поднимать гюйс и заступать на вахту.

Мичмана тихо обсуждают сегодняшнюю погрузку и строят планы на грядущую автономку. Изредка слышится стук сдвигаемых кружек и крикание. Засыпаю, как всегда лодке, мгновенно.

Будит меня металлический голос Мыльников, раздающийся из отсечной трансляции

– Королев, подъем! Приготовиться к подъему флага!

– Есть! – ору в сторону «Каштана» и его красный глазок гаснет. Выбираюсь из-под торпед.

В отсеке ни следа от ночного пиршества. Уронив курчавую голову на пульт, в кресле командира дремлет Ксенженко.

В кресле вахтенного, задрав ноги на направляющую балку сидит осоловелый Порубов и читает журнал. Заботливо укутанный шерстяным одеялом, у кормовой переборки на снятых с торпед чехлах умиротворенно похрапывает Тоцкий. Рядом стоит пустая банка из-под минного ликера.

– Да, крепки советские подводники, – бормочу я вытаскивая из металлической шка-
тулки сложенный вчетверо военно-морской гюйс.

Затем отдраиваю люк первого и поднимаюсь наверх. Свежий воздух пьянит. Утро пого-
жее, без пяти минут восемь. В рубке маячит Сергей Ильич и копошится сигнальщик, готовя-
щий к подъему корабельный флаг. Я привычно креплю гюйс к носовому флагштоку и при-
держивая рукой его свернутое полотнище, докладываю о готовности.

На плавбазе, где располагается штаб флотилии, включается метроном. Его размерен-
ный звук будит тишину залива.

– На Флаг, и Гюйс, смирно-о! – разносится по водной акватории усиленный боевой
трансляцией голос дежурного по флотилии.

Сидящие на волнах чайки испуганно взмывают в синеву неба.

– Фла-аг и Гю-юйс.. поднять!

На надводных кораблях флотилии звонко бьют склянки, голоса свистки боцманов.

– Флаг и Гюйс, поднять! – репетуют команду вахтенные офицеры подводных ракето-
носцев.

Краем глаза слежу за полотнищем вздымаемого над рубкой нашей лодки флага и одно-
временно поднимаю гюйс до клотика.

– Во-о-льно! – разносится над заливом. На Флоте начинается новый день.

Нарды

Два часа ночи, это у нас. А наверху, в том полушарии где мы обретаемся второй месяц, на океан ложатся вечерние сумерки.

Навестив по делам центральный, я возвращаюсь в свой пятый отсек, где обитаю в медизолаторе вместе с доктором. На лодке тишина, сонное жужжание дросселей люминесцентных ламп, да изредка доносящиеся из «каштана» негромкие команды.

По пути я спускаюсь в курилку и, прошлюзовавшись в тамбуре, захожу внутрь.

Там пусто, свежо, и ровно гудит вентилятор.

Усевшись на скамью, достаю сигарету, закуриваю и листаю прихваченный с собой «Огонек».

Через минуту слышится стук наружной двери, затем с чмоканьем открывается внутренняя, и в курилке появляется механик, с плоской коробкой нардов подмышкой

– Не спится? – усаживается он рядом и достает сигарету.

Я тяжело вздыхаю, поскольку знаю, что последует дальше, и обреченно киваю головой.

– Ну, так давай сыграем, – оживает механик, после чего открывает свою коробку.

Механик страстный фанатик нардов и отдает им все свободное время. Он играет со всеми, начиная от командира и кончая самым молодым матросом.

Разложив доску, мы расписываем шашки по вырезанным в бортах гнездам и, встряхивая в руках, поочередно мечем камни. Продув механику три партии, я заявляю, что пора вздремнуть и он, недовольно сопя, закрывает коробку.

В это время вновь слышится стук двери и на пороге возникает помощник.

– Ну что, не спится? – участливо спрашивает механик.

В самый раз

– Давай, дуй к тем орлам, пусть перешвартуются, – оборачивается ко мне Сергей Ильич и щурится от солнца.

Одетые в легкие «РБ» и тапочки, мы стоим с ним на носовой надстройке, рядом с открытым люком, а внизу, в отсеке, Олег и Саня готовят к стрельбе торпедные аппараты.

Собственно это не стрельба, а прострелка их сжатым воздухом. Так положено по регламенту, через строго определенный срок, дабы исключить «закисание» систем, приборов и механизмов от действия морской воды.

Ступая кожей тапочек по упругой резине палубы, я сбегая по трапу на пирс и направляюсь к стоящему впереди нас, метрах в двадцати, буксиру. По дороге оглядываюсь на высящийся над водой крейсер. Для выполнения стрельбы, механиками он удиферентован на корму, и в носу просматриваются вышедшие из-под воды передние крышки торпедных аппаратов.

Подхожу к буксиру. Из открытых иллюминаторов его рубки о чем-то голосят «Песняры», а в корме, на плетеном мате, сидят два полуголых, синих от наколок моряка и азартно режутся в карты.

Я закладываю два пальца в рот и издаю резкий свист.

– Чего тебе?! – недовольно оборачивается один в сторону пирса.

– Убирайте свою лайбу, щас стрелять будем! – показываю рукой в сторону лодки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.